
ОЛЬГА ВОЛГАРЦЕВА
НОВАЯ ИГРА

Ольга Волгарцева

Новая игра

«Автор»
2026

Волгарцева О.

Новая игра / О. Волгарцева — «Автор», 2026

В переплетении миров, где магия сплетается с наукой, началась новая игра, ставки в которой неизвестны. Каждый из миров, управляемых древними богами, выставляет на игровую доску своего игрока, чтобы бросить в водоворот испытаний, битв и древних тайн. Путь героев лежит через миры, где магия и наука сливаются в ослепительных вспышках силы, диктующей свои правила. Цель - украденный древний артефакт, способный изменить баланс сил, и склонить весы в пользу победителя. Героям нужно выжить в схватках и понять, можно ли победить в игре, правила которой придумали не люди.

© Волгарцева О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Воспитанница Владычицы Хаоры 7
Глава 2. Прорыв 12
Глава 3. Начало Игры 17
Глава 4. Где-то в междумирье 21
Глава 5. Чужой мир 24
Глава 6. Отец Госпожи 27
Глава 7. Отец и Дочь 32
Глава 8. Мастер Лазурного Семицветника 39
Глава 9. Младшие жрицы 42
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Ольга Волгарцева
Новая игра

Оглавление

Пролог 2
Глава 1. Воспитанница Владычицы Хаоры 3
Глава 2. Прорыв 9
Глава 3. Начало Игры 15
Глава 4. Где-то в междумирье 20
Глава 5. Чужой мир 23
Глава 6. Отец Госпожи 26
Глава 7. Отец и Дочь 32
Глава 8. Мастер Лазурного Семицветника 40
Глава 9. Младшие жрицы 43
Глава 10. Отец Дубравы 47
Глава 11. Расставание 51
Глава 12. Неожиданный попутчик 55
Глава 13. Верида 61
Глава 14. Древний храм 66
Глава 15. Нападение 70
Глава 16. Другая вселенная 78
Глава 17. Маг-сноходец 83
Глава 18. Условие титана Кесара 87
Интерлюдия. Стоян 91
Глава 19. Нэрис 93
Глава 20. Гарпии 100
Глава 21. Переход 109
Глава 22. Жрец солнца 116
Глава 23. Рин-Даридэ 122
Глава 24. Солнечная Долина 128
Глава 25. Откровение 134
Интерлюдия. Хельга 141
Глава 26. Тайное, становится явным 144
Глава 27. Крылатые кошки 148
Глава 28. Нетленная Пустошь 154
Интерлюдия. Даридэ 160
Глава 29. Маски 163
Глава 30. Начало суда 168
Глава 31. Окончание Суда 176
Глава 32. Воссоединение 183
Глава 33. Планы на будущее 190
Эпилог 194

Ольга Волгарцева
Новая Игра
Всё описанное, является плодом фантазии автора. Все совпадения случайны.

Пролог

В необозримом пространстве космоса, шло бесконечное движение. Казалось, будто пустота, является колыбелью волшебства. Будто невидимое, постепенно проявляясь, становится видимым. То здесь, то там, вспыхивало сияющее разноцветие, которое уплотнялось всё больше и больше. Между этими пульсирующими сгустками появлялись потоки энергии в тон заявленной цветовой гамме, формируя целые конгломераты радужного изящества. Так появляются снежные узоры на стекле, будто выведенные незримой рукой.

Но если бы кто-то смог проникнуть за пелену невидимости, то увидел бы три огромные дрожащие словно марево, фигуры, выплетающие то, что проявляется в материальном пространстве разноцветными узорами.

Высшие Архитекторы знали своё дело, используя как материал эманации ещё более Высших, для которых материальная реальность была лишь игровым полем для каких-то только им, нужных целей, куда могли спускаться лишь отдельные их мерности.

Внимание Архитекторов, привлёк тускло мерцающий узор, функционирующий в областях наиболее низких частот космоса. Этот узор был приговорён к сбросу, чтобы из высвободившейся энергии, построить более изящное высокочастотное великолепие. Архитекторы собирались уже было двинуться в ту сторону космоса, но вдруг почуяли рядом присутствие, будто тень чего-то такого огромного, что наступит и не заметит.

- Я запрещаю сброс, - пронеслись в их сознаниях, вибрации высшего порядка.

Архитекторы приняли к исполнению приказ одного из Высших, в ведении которого находилась эта необозримая многослойность пространства. Они были достаточно мудры, чтобы не задавать не нужных вопросов. Миг, и присутствие исчезло. И Архитекторы приступили к прерванной работе, заставляя вибрировать участки космоса, пространство которых обретало нерушимые константы.

А около тускнеющего узора, постепенно скатывающегося в те области, откуда нет возврата, проявилось присутствие того, кто только что находился возле Архитекторов. Едва видимые магическим зрением очертания его мужской фигуры, были настолько огромны, что ему пришлось уменьшить себя до таких размеров, при которых тускнеющий узор лёг на его ладонь. Мега-домен, представлявший собой неисчислимые множества звёздных скоплений, сиял тусклым светом искажённых форм. В этой массе, сияющих когда-то звёзд, его интересовало лишь одно соединение галактик, то, откуда всё когда-то началось...

Один взгляд, и к узору понеслась волновая вибрация, которая войдя в пространства звёзд и планет полилась, словно дождём, потоком всепроникающей мелодии, слышимой только тем, для кого предназначалась.

И все бессмертные, кто услышал эту мелодию, и те смертные, кому посчастливилось уловить хоть малейшие вибрации, замерли, боясь пропустить хоть одну небесную ноту, возвещающую - о начале Новой Игры.

Глава 1. Воспитанница Владычицы Хаоры

Хиэ́ра, с любовью гладила свой лук, подаренный Госпожой, сплетенный из лучших древесных пород, и заговорённый лучшими мастерами Ванда́ра, стихийными мастерами, лучше которых никто не мог работать с древесными породами. Хиэра видела такие изделия. Одни были созданы для красоты, лёгкостью и изящностью, радовавшие глаз. Другие, представляли собой артефакты.

Например, оружие - поражало своей мощью. Основа, сплетённая из различных стихий, позволяла накладывать стрелы с различными эффектами, и как результат, обладало убойной силой. Настоящая магия и волшебство. Но Хиэра знала, что никакого волшебства не бывает. Настоящее волшебство - это ви́дение мастерами энергетических потоков, пронизывающих вселенную, и понимание их структуры. Строго выверенные алгоритмы, позволяющие мастерам вплетать тонкие струи в точно дозированных пропорциях, и создавали такое убойное сочетание.

Такие изделия всегда были артефактами, и они были настолько до́роги, что были в единичных экземплярах. И те счастливчики, которые являлись обладателями таких артефактов, никогда не кричали о своем везении, потому что всегда были желающие перекупить их, или украсть. И это было самым приемлемым решением для многих.

А заоблачность цен, позволяла иметь такие артефакты, только сильным мира сего. О наличии у кого-либо таких вещей можно было только догадываться. И сами мастера всегда молчали о том, для кого делают такую красоту и силу.

Говорят, в свое время сам бог Ило́рн строго следил за секретом и та́инством изготовления вандарских артефактов, соперничавших с изделиями признанных мастеров Сиде́ллума, по праву являвшихся лучшими мастерами-артефакторами миров мета-скопления Ринида́т.

Вот и лук Хиэры-лучницы, выглядел очень красиво и дорого, и только опытный взгляд мастера мог сказать, что в данном оружии имеется не одна древесная порода, умело сплетённая наложенными стихийными заклинаниями и рунической вязью. Но обычный человек увидел бы красивое добротное оружие и даже не задумался бы о цене. И только в моменты опасности, повинуясь мысленному приказу хозяина, оно вспыхивало всей заложенной в него силой и поистине неукротимой мощью, как сила стихий в своем бушующем естестве.

И когда кто-либо видел такое оружие, с появляющимися вдруг из ниоткуда на тетиве светящимися стрелами, так и вспоминалась невзначай, пресловутая война между а́сфелами и вандарами, приведшая к вынужденному перемирию. Даже не знающие поражения асфелы, ведающие секретами равновесия, не смогли стать победителями в этой войне. Потому как природу, детьми которой и были вандары, воплощавшие в себе силу стихий - победить невозможно.

Но мало кто мог вспомнить о той войне, видя, как несутся с дикой скоростью стрелы оружейного артефакта, так как данное видение практически для всех становилось последним. Но в остальное время это был обычный лук, стреляющий обычными стрелами, находящимися за спиной Хиэры в кожаном колчане.

Хиэра была красива. Стройная невысокая, но и не маленькая, не широкая в кости и не хрупкая, с высокой талией, стройными длинными ногами и красивой пропорциональной телу грудью. Абсолютно белые волосы, отливающие снежной белизной, были заплетены в две косы, и по эрина́рской моде с вплетенными над висками двумя тоненькими маленькими косичками.

Белая кожа, чистая без единого пятнышка, только на лице покрывалась лёгким румянцем. Изогнутые тёмные брови, тонкий точёный носик, пухлые розовые губки, всё было слишком идеально. И временами, когда лучница закрывала глаза, казалось, что не земное существо - снежная дева, почтила своим присутствием мир.

Но как только поднимались веки, опушённые длинными чёрными, загнутыми вверх ресницами и на собеседника устремлялся взгляд вроде бы серых, больших миндалевидных глаз, сразу становилось понятно, что не может не земное существо иметь такой тяжелый пронизывающий взгляд.

Глаза Хиэры были очень странными, и она знала об этом. Светло-серые в спокойном эмоциональном состоянии, при волнении и появлении опасности, они становились похожими на дымчатый жемчуг, тёмный осенний вечер, когда вдруг на ясное зимнее небо набегают грозовые тучи, пронизанные струями дождя. А когда начиналась метель, то глаза девушки становились практически белыми прозрачными, что смотрелось довольно жутко на миловидном лице, и навеивало ассоциации с нежитью.

И Хиэра не знала, глаза ли её белеют, когда начинается метель, или метель начинается, когда белеют её глаза, но особую связь со снежной стихией девушка всегда чувствовала очень сильно. Она не задумывалась о природе такого явления, потому что знала, что не найдёт ответов на свои вопросы. Все ответы лежат в её прошлом, которое закрыто по велению Госпожи.

Хиэра не знала своих родителей, вернее не помнила своего прошлого, вся её осознанность начиналась в возрасте около семи лет в одном из миров Хаóры, в чертогах самой Владычицы Хаоры, или, как богиню называли в мирах - Хранительницы Залов Мёртвых. Девушка знала, что Госпожа благоволит ей с самого детства, даже казалось любит её, но всего лишь один вопрос о том, где её родители и вместо ответа, гневно сдвинутые брови, которые давали понять, что некоторых вопросов, задавать не нужно.

Один раз Хиэра видела, как гнев Госпожи обрушился на один из провинившихся миров, где что-то пошло не так, и мёртвые - нежитью стали прорываться в миры смертных. Гнев Госпожи, был настолько страшным что её прекрасное лицо вдруг стало ужасным, а тело Госпожи заклубилось зелёно-чёрными клубами дыма, который стремительно начал распространяться по залам превращая в пепел всё, что попадалось на пути. Многие мёртвые прекратили тогда своё существование навсегда.

Слава Высшим, богиня вовремя опомнилась. Девушка забилась тогда под какую-ту скамейку, откуда её и вытащила богиня, расстроенная от того, что не смогла совладать с гневом и погубила столько душ. Вроде и знала Хиэра кто перед ней, и понимала всю природу метаморфоз, происходящих с Госпожой, но смотреть на это было очень страшно. В этот момент девушка осознала, насколько ужасающей, устрашающей и непоколебимой силой и властью обладала богиня в мирах.

Лучница любила Госпожу, потому что только она в своем обычном прекрасном облике улыбалась девочке доброй любящей улыбкой, гладила её шелковистые волосы и читала иногда сказки о звёздных мирах:

о бессмертных богах, титанах, и смертных расах - гордых асфелах и вандарах, об их войнах и приключениях; о свободных духом илрóях, делящих одни миры с вандарами, избравших тёмный путь самопознания колдунов-стихийников; и их собратьях эринáр, жителях солнечного Эльнигрáса, идущих дорогой магов-учёных, познающих силы космических сил; об оборотнях-индáри, населявших миры Индáра, славящихся длинной памятью и такой же долгой жизнью; о стойких нéлах, жителях холодной, туманной и мрачной Нели́ды, сновидцев и сноходцев; о ллумах - лучших мастерах-артефакторах, проживающих в мирах Сиделлума, располагающихся над мирами Хаоры; о сонах-музыкантах, жителях радужного Молиссóна, плетущих волшебные узоры музыкальных вибраций; и наконец, о людях, человеках, челах, по разному называли их в скоплениях - жителях миров Нильфáра, расположенных посредине мета-скопления Ринидат, и поэтому называемых срединными. Миры Нильфара отличались от других тем, что как говорили, были лишены магии.

Само же мета-скопление, носило название Ринидат, по имени верховной богини Асфелума - Рини́ды, богини Судьбы, супруги верховного бога Ри́дина.

Поговаривали, что Ринида была младшей дочерью Эрры - земли, давшей материальную составляющую всем мирам мета-скопления. Будто бы между Эррой и Ридином был заключён договор, дававший право на верховную власть в мирах, залогом которого и была Ринида.

Ридин - маг, Ридин - скиталец, Ридин - странник. По-разному называли в мирах бога пришельца. Кто он такой, откуда взялся, не знал никто кроме... Эрры. Только ей поведал бог Ридин причины своего появления в мета-скоплении. Но к сожалению, с этим была не согласна средняя дочь Эрры.

Дари́на - Природа, рождённая Эррой от стихий, считала своих детей, населявших миры Вандара более достойными, чем пришельцы асфелы. Это несогласие и вылилось в конечном итоге в знаменитую войду между асфелами и вандарами.

Была у Эрры и старшая дочь - Фели́нис, богиня Памяти, рождённая от Не́рра - Неба. Считалось, что расе индари, изначально дала жизнь именно Фелинис. И что от неё они, унаследовали длинную память и такую же долгую жизнь.

Хиэра и сама зачитывалась летописями о происхождении миров. Она могла часами, лежать на парчовой кушетке в чертогах Госпожи, попивая травяной отвар и уплетая сладости. Но сознание её, странствовало в эти моменты по мирам, вместе с богами вандарами или богами-асфелами, совершая подвиги и разя врагов.

Чертоги Госпожи были прекрасны и богаты, но Хиэра знала, что это мо́рок. А как подругому можно было бы жить в царстве мёртвых миров, не наведя, морока, девушка не знала. И морок покрывал осязаемым богатством и красотой, лепниной и золотом, чертоги богини, скрывая залы, в которых влачили свое существование души, которым предстояло очищение, перед последующими воплощениями.

Самим мёртвым было без разницы, есть ли иллюзия или ее нет, и поэтому тихо и спокойно было в чертогах Госпожи. И покой нарушался лишь тогда, когда Ловчие, которых называли в мирах Гончими, притаскивали бьющиеся в сетях души, не желающие присоединяться к своим мёртвым собратьям.

И девушке казалось, что только она и Госпожа являются живыми, проявляющими эмоции, улыбающимися шуткам друг друга. Сердце Хиэры наливалось искренним состраданием, когда она смотрела на прислужников Госпожи, пребывавших в различных обличьях. Они смотрели в пространство белёсыми пустыми немигающими, ничего не выражающими глазами, которые превращались в полыхающие зелёные огни лишь тогда, когда мёртвые становились опасной для смертных нежитью.

Когда с разрешения Госпожи и под присмотром одного из Привратников девушка покинула чертоги, чтобы посмотреть миры Хаоры, она увидела, что в мирах есть и те, кто населяет их по праву рождения. Их называли - хельва́ны. Они жили обычной жизнью, мало чем отличающейся от жизни в мирах звёздных скоплений.

Была ли счастлива богиня, владычица мёртвых залов, Хиэра не знала, как не знала и имени Госпожи. Но часто видела грустную улыбку и устремлённый в пространство, печальный взгляд. Как-то перевозчик, перевозивший души через реку мёртвых, рассказал Хиэре, что когда-то у Госпожи был Господин, красивый и статный, добровольно спустившийся в чертоги мёртвых и любивший Госпожу всем своим живым сердцем. Что случилось потом и куда делся Господин девушка не знала. Перевозчик так резко замолчал, будто испугавшись несвойственной ему болтливости.

А вот Хиэра была счастлива с Госпожой, и любила её сначала своим маленьким, а потом и девичьи чистым сердцем. И даже тогда, когда девушка узнала, что ей предстоит стать Ловчей Смерти, то страшилась только одного, не оправдать возложенных на неё Госпожой, ожиданий.

Вроде и отгремели давно последние войны, но не спокойно было в мирах скоплений. Новые боги готовились прийти в миры, неся в себе память и отпечатки личностей старых, якобы погибших в давних войнах. Госпожа говорила, что боги, готовящиеся прийти и занять

по праву своё место, были детьми старших богов, и сейчас проходили трансформацию слияния со своими погибшими отцами, братьями и сёстрами, поскольку жили и развивались по отличному от смертных пути, и были практически бессмертны в своей многомерности. Слияние, дополняло личность нового бога алгоритмами отошедшего от дел предка, но не искажало матриц ни одного, ни другого.

Как-то Госпожа сказала, что тоже участвовала в старых войнах, но не стала освещать подробностей, поэтому Хиэра не знала, чем закончились для Госпожи минувшие давно битвы, а спрашивать по понятным причинам не стала. И когда решением богини пришлось идти на обучение в храм, то у Хиэры была одна мысль, не подвести Госпожу, а для этого надо стать самой лучшей, самой сильной, чтобы богиня гордилась ею.

И девушка не просто старалась, она подходила к обучению со всей ответственностью. Ей было сложно. Во-первых, потому что она не была среди хельванок своей изначально. Её молочно-белая кожа резко выделялась среди других учениц со светло-серой кожей, будто осыпанной мукой не лучшего качества. Их тусклые серые волосы не могли соперничать с искрящимися как первый выпавший снег косами Хиэры. И только живые чёрные глаза, могли сказать о том, что в этих девушках, есть жизнь, которая не даёт им раствориться среди мёртвых.

Хиэра спрашивала у Госпожи, почему хельваны обладают таким сочетанием жизни и смерти? Не живые, но и не мёртвые, обладающие магией смерти, точнее магией жизни после смерти, не дающей умереть окончательно, если не будет на то воли хельвана. Ни некроманты, которые могли лишь поднимать умерших и лепить из них нежить; ни ревенанты, которые божьим повелением, продолжали жить, выполняя волю пославшего.

Богиня ответила, что когда-то, еще до того, как сами звёздные скопления проявились на просторах вселенной, сама суть была единой, и материал был один - хаос. Он же вода в своей естественной материализации. В магических существах, хаос становился управляемыми потоками энергии, на которых маги могли созидать и разрушать. В смертных, потоки хаоса, проходя через их сознания, трансформировались в эмоции. И многие из них, становясь носителями и проводниками, приносили разрушения в свои миры.

И только, когда константы матриц скоплений простроились, и обозначились направления, то и хаос стал приобретать различные формы порядка. Энергетические и информационные потоки стали формировать эти новые направления и связи. И те, кто материализовался и осознался на этих потоках, разбрелись по скоплениям и приобрели видимую окраску и восприятие тех миров, в которых поселились.

Хиэре от таких объяснений, понятнее не стало. И только пройдя обучение при храме, Хиэра поняла суть слов Госпожи. Внешность и внутреннее состояние хельванов обусловлены лишь сочетанием вибрационных потоков жизни и смерти. Смерти больше, потому что живут они постоянно в низких вибрациях, которые утяжеляя сознания, формируют их по особым алгоритмам. Но потоки жизни тоже пронизывают всё мироздание, даже мёртвые не умирают конечной смертью. Поэтому и в мёртвых мирах, существует жизнь.

Поселившись при одном из храмов, где обучали Ловчих Смерти, сопровождавших саму Госпожу Смерть, Хиэра полностью погрузилась в обучение. Девушек обучали магии смерти, учили базам иных магических дисциплин, истории миров и рас, населявших мета-скопление, учили взаимодействию с этими расами. Много времени уделялось медитации, умению владеть разумом и сознанием при любых ситуациях. Концентрация и визуализация, умение управлять пространством через ментальные прикосновения, тактильные ощущения и запахи, стояли на особом контроле у жриц, проводивших обучение.

Жрецы-воины учили девушек физическим дисциплинам. Владение всеми видами простого и артефактного оружия было обязательным, дабы не посрамить и не подвести Госпожу Смерть, которой поклонялись в мирах Эльнираса - ассасины-эринар, а в мирах Вандара - ассасины-илрои, отдельные касты воинов смерти, идущие разными путями.

Слабые не могли сопровождать Госпожу Смерть. Поэтому в Ловчие отбирались лучшие девушки из хельванок, прошедшие очень строгий отбор. Причина отсева была одна - смерть.

Жрецы учили девушек выживать в чуждых им мирах. Разжигать костёр, готовить пищу из неизвестной дичи, плодов деревьев и овощей, собирать и применять травы, ибо жрицы, служившие в храмах непосредственно богине, обучали девушек только магическим дисциплинам, а вся остальная «бытовуха», легла на плечи жрецов-мужчин.

Больше всего Хиэре нравилось заниматься алхимией, совмещать всё со всем, и девушка не уставала удивляться, как капля зелья может убить, всего лишь соприкоснувшись с кожей, и как три капли того же зелья могут полностью исцелить живое существо. Конечно же ингредиенты зелья не были простыми. Точно выверенные пропорции до миллиграммов, сочетающие в себе различные энергетические компоненты, напитанные информацией, становились зельями-артефактами, незаменимыми спутниками при любых обстоятельствах, которые всегда находились в вещевом мешке Хиэры в необозримых количествах, и на все случаи жизни. Благо вместимость вещмешка, по сути являвшегося определенной мерностью в пространстве времени, не имела ограничений, и наложенные заклинания статики, не давали испортиться ничему скоропортящемуся.

Хиэру раздражали слухи, что жители верхних миров называли их Гончими. Гончими, были верные, чёрные, огромные псы Хаоры, сторожащие границы миров и сопровождающие Госпожу Смерть на охоте. Они гнали те души, которые не хотели по тем или иным причинам, спускаться в залы мёртвых, и не обладали особым умом. Их задача была гнать и охранять, но управляли ими, как раз Ловчие. Ловчие направляли их, заставляя загонять «дичь», пока не набрасывали Сковывающую паутину, сеть-артефакт, обязательный для каждого ловчего. Артефакт в виде татуировки, маленькой паутинки, крепился на любом участке тела, и приводился в действие волей Ловчего.

Еще Хиэру расстраивало то, что жители миров скоплений постоянно путали богиню Хаоры и Госпожу Смерть, не представляя даже, что это две, совершенно разные личности, несущие абсолютно разное служение Вседержителю в мирах скоплений.

Госпожа Смерть, являясь проводником, встречала души мёртвых, и препровождала их в Залы. А богиня Хаоры, являлась охранительницей этих залов, где души, пройдя определенные таинства, готовились к вхождению в новую жизнь, оставляя в залах все ненужное, отжившее свое, то есть все свои воспоминания об оконченной жизни.

Как-то богиня сказала Хиэре, что Госпожа Смерть является ей сестрой. Они произошли от одного из Единых, чего девушка не поняла из-за нехватки на тот момент знаний, а Госпожа не стала объяснять.

И теперь, получив своё первое задание, Хиэра была полна решимости выполнить его во что бы то ни стало. Подаренный Госпожой лук-артефакт, не оставлял даже малейшей лазейки для мысли, что что-то может пойти не так, потому что такого позора Хиэра не переживёт. Пока не выполнит задачу, поставленную ей, как лучшей, никогда не покажется пред очи богини.

А задача была сложная - вернуть Смарагдовую Тень.

Глава 2. Прорыв

Золотистая осень мягко стелила под ноги опавшие листья. Мягко струилась река, извиваясь между пологими холмами. На берегу стоял мужчина, припав на одно колено, и жадно пил из реки, зачерпывая воду ладонью. Вода была вкусная, напоенная ароматами трав, чистая и прохладная, но не до такой степени, чтобы ломило зубы.

Напившись, мужчина выпрямился. На вид ему можно было дать около тридцати лет. Высокий, стройный, без грамма лишнего жира, с развитой мускулатурой, подтянутым животом. Он оставался гибким, как ивовый прут, который гнётся на ветру, но не ломается. Казалось, он дышал здоровьем, мощью и выносливостью, и настолько органично вписывался в пейзаж с лесом и рекой, что становилось понятно, что так гармонично слиться с природой мог только истинный сын, рожденный, воспитанный и вынянченный самой природой.

Мужчина щурился под летним ярким солнцем. Светло-русые, прямые волосы, выгоревшие на солнце, рассыпались по плечам, и были настоящим украшением, оттеняя загорелое лицо с чёрными, что смотрелось удивительно для такой масти, бровями и ресницами, между которыми проглядывала ясная зелень глаз. Слегка широкие скулы украшала чёрная, слегка отросшая щетина и завершал портрет прямой аккуратный нос.

От человека его отличали лишь заострённые уши, которые были не настолько острыми, как у эринар или илроев, но указывали совершенно точно, что мужчина не был человеком. Сыном вандарских лесов был этот мужчина, водящий дружбу с дриадами, воспитанный на таинствах друидов и традициях вандарских родов.

Молодой вандар уселся на камень, лежавший на берегу, и устремил глаза вдаль, вспоминая прошлое. Прошлое не отпускало. Лишь совсем недавно Лорн вернулся домой сломленный отказом Лаитэ́ль. Он поморщился. Даже сейчас, воспоминания отозвались тупой болью в сердце.

«Ведь ничего не предвещало беды тогда, три месяца назад, - вспоминал Лорн».

Он был молод, жил жизнью простого охотника. Нет, его конечно готовили, как наследника рода. Он прекрасно владел мечом и копьём, без промаха стрелял из лука, учился управлять родом и вести дела. Но о том, что в своё время, придётся занять место отца, правившего родом железной рукой, Лорн не задумывался. Отец отличался физической крепостью тела, и даже не думал о том, что придётся когда-либо отправиться тропою мёртвых в залы Хаоры.

Смешливая красавица Лоре́на из дома Лилии рода Терновника стала его невестой. Не то, чтобы Лорну сильно хотелось жениться, но он не смог отказать Лорене которую знал с детства. А Лорене, очень уж хотелось похвастаться перед подругами таким завидным женихом.

Лорн помнил Лорену всегда смеющейся, всегда с улыбкой на лице. Казалось, ничто не может омрачить её вечной радости. Даже когда приходилось провожать уходящих до «тропы», даже тогда Лорена с улыбкой желала им счастливого пути, с последующей встречей в следующих жизнях. И Лорн не желал себе лучшей жены, ибо других таких, с которыми испытывал бы радость и лёгкость, он не знал. И если бы не случайность, заставившая его исчезнуть на три месяца, то еще тогда, он ввёл бы Лорену в дом Клевера и свой род.

Но судьба распорядилась иначе. И Лорн в компании двоих друзей ровесников, а всем отмерило по двадцать пять циклов, отправился на самую обычную охоту.

Молодой мужчина вздохнул, и окинул взглядом близлежащую местность.

Лес и река находились в одном из миров Вандара, который назывался Фьорн. Этот мир, собственно, как и другие, отличался буйной свободной растительностью, невиданной в своей красоте и проявлении. Наяды и русалки, дриады и мелиады, и еще многие подрасы, населявшие вандарские леса и реки, горы и равнины, нашли свое отражение в фольклоре народов метаскопления.

Нигде в мирах древа не жили местные обитатели в такой гармонии с природой, как в мирах Вандара, никто так не разговаривал с животными и птицами, как вандары, и нигде так не плакали о засохшем дереве, как обитатели вандарских миров.

Плоть от плоти вандарской земли и природы, вандары были необычайно красивы, дышали мощью земли и свободой неба, бесконечной энергией и здоровьем вечно живущей природы.

Недаром магическим ключом к вратам Вандара, была руна Ила́низ, руна бога Илорна, руна истинной свободы в самом наивысшем её проявлении.

Мощные, здоровые и красивые вандары свободно и в равновесии проживали рядом с природными силами, напитываясь мощью и красотой от самой матери-земли. Не обладая длинной памятью, в отличие от индари-оборотней, вандары были счастливы в текущем настоящем, в здесь и сейчас. И это было правдой, потому как природа не знает других алгоритмов кроме цикличного течения времени, переходящего из рождения в смерть, и бесконечно повторяющего этот круг. Век природной памяти короток, да и зачем длинная память тому, кто каждый цикл настоящего может проживать в различных вариациях, то повторяя уже прожитое, то внося свежие коррективы. Поэтому и вандары, следуя зову природы, жили на всю мощь, ярко, красиво, и с наслаждением.

Очень не хочется выходить из гармонии вандарских лесов и покидать родной дом, в который не так давно вернулся; друзей - двуногих и четвероногих; пернатых и мохнатых, с кожей из древесной коры и блестящей чешуи. Но приняв решение, нужно следовать ему до конца.

Так и Лорн Канда́риэл из дома Клевера рода Трилистника, принял решение найти ту, от кого отрёкся в минуту растерянности и слабости; ту, которая выходила его раненного, помогла выжить, залечила ужасные раны и поставила на ноги; ту, которая украла его сердце навсегда и безвозвратно. Так думал вандар сейчас. Но тогда, идя по звериному следу, наслаждаясь тёплым солнцем, молодые парни, даже не догадывались о том, что ждёт их впереди.

Охотники неожиданно стали натыкаться на странные, мёртвые, объеденные, но не съеденные до конца трупы животных. В вандарских лесах никто не мог обращаться с животными и птицами таким ужасным образом. Никто не убивал ради забавы, и уж точно не бросал непонятно каким образом обглоданную тушу с высосанной кровью.

Лорн прекрасно знал, как выглядят обглоданные хищниками туши животных. Видя мёртвые трупы, молодые охотники понимали, что что-то страшное происходит в лесах Вандара. Казалось, будто кто-то обожравшийся, убивает всех, кто попадался под руку.

В широких, светлых, просторных лесах Вандара, деревья исполины хорошо защищали поляны и просеки от солнца, но даже сквозь их кроны, достаточно проникало света в лесные массивы. И на очередной поляне друзья наткнулись на разорванного медведя. Медведя, огромного бурого самца, на которого находилось мало желающих поохотиться и среди двуногих и четвероногих обитателей. Было ощущение, что труп медведя разорвали, и внутренности растащили по всей поляне. Странные следы, в большом количестве усеивающие тушу, говорили о том, что медведя грызло много зубов и пила кровь не одна глотка. И это не были зубы и глотки хищников, охотники видели это совершенно отчетливо.

Задумавшись, стояли друзья около истерзанного трупа медведя, и оглянулись, только услышав старческое покашливание. Обернувшись, увидели стоявшую недалеко пожилую женщину, практически старуху, если бы не ясные зелёные глаза, горевшие мудростью и силой.

Ньера, Владычица Сирда, колдунья зелёных лесов, незамеченной подошла к молодым вандарам. Лес защищал ее от чужого внимания, скрывал запахи, ни одна ветка не шелохнулась под ее ногами. Древней магией сирда обладали колдуньи вандарских лесов. Эта магия была настолько древней, что даже асфелы, жители Асфелума, не могли оспорить древности природного колдовства.

Сирд - путь слияния с природой, включал в себя древние колдовские обряды, таинства и мистерии, по преданиям дарованные самой матерью-землёй. Сама природа наделяла своих адептов силами стихийной, разрушительной и созидательной природной магии через связь со своим естеством. Несомненный симбиоз равновесия с природой, наделял владычиц сирда, стихийной магией; давал умение разговаривать с животными и птицами; исцелять и заговаривать; ходить по снам, изменять реальность и поворачивать время вспять.

Без исключения, во всех мирах боялись вандарской магии. Сказанное владычицей слово, всегда исполнялось и приносило последствия. Хорошие или плохие, зависело от того, кому оно предназначалось. Никто не мог отменить пожеланий или предсказаний зелёных колдуний, поэтому встретившись на узкой тропе с Ньерой, кто-то называл её владычицей, кто-то просто матушкой.

Ньера, одетая в зелёный плащ с белым подкладом и державшая в руке деревянный посох с рунными письменами молча смотрела на вандаров.

Молодые охотники приблизились со всем почтением, на которое были способны и, приложив руку к сердцу низко поклонились.

- Ясного дня Владычица, долгих лет служения.

Ньера, во владении которой находились леса, на которых охотились вандары, в свою очередь поприветствовала молодых охотников, приложив руку к сердцу, но не поклонилась.

Не по роду и возрасту было кланяться Владычице лесов. Никто не знал сколько ей лет - много, это всё, что можно было сказать. Белые длинные волосы отливали белизной седины, узкое лицо с резкими морщинами дышало мудростью и спокойствием, и только зеленые, ясные и чистые глаза, выдавали тревогу и беспокойство. В отличие от вандаров, Ньера знала, что произошло во владениях сирда:

- Неладное что-то творится нынче в лесах, охотники. Что-то случилось в мирах Хаоры, мёртвые, ставшие нежитью, прорвались через грань миров и появились в нашем мире.

От такой новости, у молодых друзей, в буквальном смысле слова, волосы на голове встали дыбом:

- Владычица, как такое могло произойти? Ведь стражи стоят на границах миров…

- Как и почему мне не ведомо, не наше царствие подземные миры, а вот что делать с этим? Закрывать наш мир. Времени нет. Как только я начну стягивать края грани, мёртвые ринутся сюда. Мне нужно, чтобы вы сдержали их, и дали мне время для закрытия.

Тирон, один из братьев близнецов, лучших друзей Лорна, стал белым, как первый выпавший снег, но твердо схватил лук и дернул стрелу из колчана. Его брат Корин прямо посмотрел Владычице в глаза и кивнул головой. Кивнул и Лорн, положивший ладонь на рукоять меча.

- Их, около тридцати особей, нужно быстрее закрыть грань, иначе появятся новые и сметут нас, - промолвила Ньера, - сюда уже спешат девы сирда, весть главам родов послана.

- Приступим к делу матушка, не дадим им уйти далеко, сколько зверья они погубят, и не дай боги, встретится им кто, из молодых или детей, - сказал Корин.

- Идём к вон тем елям, там разрыв в грани.

Быстрым шагом, они двинулись к противоположному краю поляны. Владычица остановила их рукой, указав невидимую черту, сама подошла к двум голубым очень высоким и очень старым раскидистым елям. Махнула им рукой, будто давая добро.

Вандары отвернулись, взяли оружие на изготовку и приготовились ждать. Корин и Лорн негласно поделили поляну пополам. Тирон отошёл от них немного назад и в левую сторону, держа в руках лук с наложенной на тетиву стрелой. Он был поддержкой с воздуха, обладал немыслимой меткостью, и не расставался с луком с тех пор, как начал ходить.

Его лук, был изделием лучшего мастера рода Вяза, к которому принадлежали братья. Лук, подаренный отцом на совершеннолетие, не артефакт высших конечно, но обладающий магией стихии огня, что было очень кстати. Мёртвые не боялись боли, их было невозможно

убить простым оружием. Их можно было или отправить за грань... или вышвырнуть в другое измерение... или... Но по факту, сейчас их можно было только сжечь огнём лука Тирона.

Лорн понимал, что их задача продержаться до закрытия грани, но как долго Ньера будет закрывать ту самую грань, он не представлял.

Послышался странный напев. Низкие, гортанные звуки плавно понеслись в пространство между елями. Звуки, казалось, то опускались до самой земли, то поднимались ввысь, и напев менялся, из низко вибрирующих звуков, вдруг превращался в высокие трели, от которых дрожал воздух. И вот, обозначилась и проявилась прозрачная высокая арка. В арке виднелась дверь, створки которой были полуоткрыты.

И в это время, толпой повалили мертвецы.

Лорн знал, что от его выдержки и хладнокровия, как старшего в их группе, зависит не просто многое, зависит буквально всё, а именно, успеет ли Ньера закрыть грань.

- Верида, - прокричал Лорн древний клич, призывавший в древности богиню на поле битвы. Древние вандары точно знали, что богиня не оставит своих после смерти.

Мёртвые кинулись на живых, запахло тленом и плесенью, завоняло мертвечиной. Запели мечи, засвистела тетива, и песнь Ньеры зазвучала высокими нотами, буквально приказывая краям пространства стянуться, запечатывая проход. Лорну пришлось вспомнить всё свое воинское искусство, всё, чему учили наставники.

«Если выживу, упою всех медовухой», - подумал Лорн, отбивая атаку сразу трёх мертвецов.

Нежить была тупой, бесстрашной и упорной. Пока тупой. Через неделю после «рождения», с горящими ярким, зелёным, ядовито-болотным светом глазами, нежить становилась умнее и хитрее, и справиться с нею, было очень сложно. Поэтому её надо было убивать сразу, вернее сжигать, если есть возможность, тем, что доступно простым воинам, то есть огнём. Инструментами, упокоевающими нежить иными способами, обладали высшие маги и Гончие Смерти. Из таковых присутствовала на поляне только Владычица Сирда, но она была занята.

Мечи отрубали головы и конечности, разрубали напополам мёртвые тела, благо они были неповоротливы. Но убить их они не могли. Падая на землю, отрубленные руки и ноги, продолжали двигаться и скрести землю, норовя добраться до молодых охотников. Головы, пытались вцепиться зубами в ноги. А зубы у нежити были острые. Зная это, вандары отпинывали их подальше от себя. Вся надежда была только на Тирона. И Тирон не подвел. С его лука сорвалась стрела, разделилась в полете на несколько огненных стрел, и каскад огня, обрушился на головы мертвецов.

Все закончилось на удивление быстро. Один, второй, третий выстрел, и полыхала вся поляна. Мёртвые тела и конечности корчились на земле, пытаясь отползти от огня, прочь от поляны, по которой стелился горько-сладкий дым.

Лорн прошептал заклинание и мёртвые тела окружил огненный ореол, не давая частям тел выползти из огня. Над поляной раздался вой мёртвых глоток, тех кого еще не пожрал колдовской огонь.

«Повезло», - подумал Лорн, еще бы три-четыре дня со «дня рождения» нежити, и Лорн не поставил бы на свою жизнь ни гроша, прекрасно понимая, что даже при наличии лука Тирона, они задавили бы массой сначала Тирона, а потом разорвали бы их поодиночке. Лорн оглянулся на Владычицу.

Песнь матушки Ньеры не прекращалась, и вот уже последний аккорд взмыл ввысь. Переходя на неразличимые уху вибрации, пространство пошло рябью, дверь закрывалась, и закрылась окончательно. Арка начала бледнеть и исчезать.

Стоя на поляне, которую уже практически всю накрыл дым, они не услышали звука тетивы, да и тетива ли была это вообще?!! Но в грудь Лорна что-то ударило с такой силой, что отбросило и впечатало в ель, захлестнуло дикой болью, но тут же дёрнуло назад и поволокло на

противоположный край поляны. От удара Лорн выронил меч и буквально задохнулся, сознание куда-то поплыло. Краем глаза и ещё не померкшим сознанием, он увидел на краю поляны чёрную фигуру с арбалетом в руках, закутанную в чёрный плащ с капюшоном.

«Артефакт», - успел подумать Лорн, глядя на чёрно-зелёный, светящийся ореол вокруг оружия, из которого вилась призрачная цепь - «Гарпун Смерти», - и вдруг осознал, что крючок от этого гарпуна, находится у него в груди.

В этот момент, вверх взмыл резкий речитатив, и что-то громыхнуло так ослепительно, что цепь мгновенно разорвалась. Но это не остановило продвижения Лорна, и он влетел по инерции в открывшийся за мгновение до того, портал. Фигура в капюшоне, повернувшись, к застывшим на поляне вандарам, что-то прошипела и стремительно шагнула вслед за Лорном.

Владычица Сирда и братья, успели заметить на груди у фигуры большой медальон-артефакт, сияющий зеленоватым светом, с клубящейся внутри тенью. Но случилось кое-что еще. За миг до того, как схлопнулся портал, в него, вслед за шагнувшей чёрной фигурой, влетел зелёный энергетический сгусток. Вандары резко оглянулись и увидели, стоявшего слева невдалеке красивого молодого мужчину.

Глава 3. Начало Игры

Пространство между гор дрожало в утреннем мареве. Прохладный воздух будто стекал со снежных вершин, покрывавших кольцо гор и окружавших зелёную долину.

Прозрачные реки, водопады, деревья и цветы, всех размеров и оттенков, казалось, воплощали флору всех миров скоплений и сияли всеми цветами радуги. Но природа была строгой в своей красоте, не тропической, более умеренного климата, но оттого не менее красивой. И кто сказал, что тропическая природа самая красивая. Самая красивая природа - там, где ты родился.

Зелёные полянки полные грибов, ежевика и малина склоняли свои ветви под тяжестью сочных, налитых, мясистых ягод. Зверьё, резвившееся на полянах, волки вместе с зайцами, большие кошки вместе с грызунами, все навевало мысль о покое и благодати. Никто не пытался никого съесть.

В середине этого природного буйства стоял лабиринт. Высотой с двухэтажный дом, просторный и светлый архитектурный ансамбль, напоминал большой дворец с резными арками и колоннадами, куполами и ажурными решётками, напоминающими сверкающие под солнцем снежинки. Выполненный из белого и розового мрамора, с вкраплениями драгоценных камней и металлов, лабиринт поражал своей изящностью и воздушностью.

В закутках лабиринта стояли столики и скамейки с мягкими бархатными пуфиками. Это чудо архитектуры оплетали цветущие лианы и плющи, с мелкими и крупными разномастными цветами. Время от времени лабиринт менял свое положение вместе со столиками и скамейками.

При этом, сияние и сверкание переливающихся драгоценных камней не слепило, а радовало глаз. Особенно порадовались бы глаза ценителей искусства мастеров высших миров.

В центре лабиринта была обустроена зона отдыха. Серебряная беседка с ажурным куполом, приглушающим солнечный свет, стояла по середине небольшого сада. Слева от беседки находился прозрачный пруд с кувшинками, между которыми сновали серебристые и золотые рыбки. Через пруд был перекинут ажурный белый мост. По обе стороны от пруда стояли скамейки. Все пространство утопало в строго гармоничной, выверенной зелёной и цветочной роскоши. Не было ярко выраженных клумб и дорожек. Казалось, сама природа растет так, чтобы соблюсти строгую симметрию, приятную глазу.

В беседке сидели трое, двое мужчин и одна женщина.

Двое, мужчина и женщина, были неуловимо чем-то похожи, и совсем не внешностью. Хотя яркие шелковистые светло-золотые волосы были одинаковы. Черты лица были гармоничны и изящны. Миндалевидные зелёные глаза, опушённые длинными чёрными ресницами, с кошачьим разрезом у женщины и с прищуром красивой формы у мужчины, светились скрытым струящимся светом, позволяя понять, что это не иначе, как родственники.

На этом, пожалуй, сходство заканчивалось. Нежный овал лица женщины украшали - тонкий точёный нос с красиво очерченными ноздрями, и розовые лепестки губ. Мужчина же отличался твердой линией подбородка и четким рисунком рта, напоминавшим губы женщины, только в мужском варианте. Волосы женщины, струились длинными косами по груди и спускались до талии. У мужчины же волосы были распущены и свободно лежали на плечах.

Но не внешность делала их родственность явной, а некая исходившая от обоих аура светлой силы, настолько мощной и звенящей, что казалось они были прародителями самой жизни в самом наивысшем природном проявлении.

Третий, мужчина, был хмур. Высокий умный лоб нависал над изящными чёрными бровями. Льдистые, светло-серые глаза были холодны. Чёрные волосы до плеч, схвачены кожаным ремешком, крупный породистый нос и плотно сжатые губы довершали образ. Одет мужчина

был в кожаную чёрную одежду охотника. Рядом на скамье лежал простой меч в ножнах. Глядя на ножны, простые, из обычной выделанной кожи, можно было понять, что это артефакт, причём такой силы, что увидеть и почувствовать его могли только те, кто стоял намного выше смертных родов.

Всем присутствующим, на вид казалось было около тридцати лет. Почему казалось? Потому что, не может у тридцатилетних людей быть таких древних глаз. Не старых, отражающих вековую усталость, а именно древних, светящихся искристой мудростью.

Они сидели вокруг круглого стола, на котором стояла игровая доска. С первого взгляда можно было бы подумать, что доска шахматная, но это только на первый взгляд. Сама доска не была чёрно-белой, а состояла из разноцветных областей. И приглядевшись можно было понять, что это не что иное, как карта-схема какого-то мира:

в самом верху располагалась область, обозначенная как Асфелум; под ним находился Эльниграс; справа, если смотреть на карту, чуть ниже Эльниграса, находился Вандар; слева, ниже чем Эльниграс, располагалась область под названием - Молиссон; под Эльниграсом переливался разными цветами Нильфар; а под ним - Сиделлум; от Сиделлума слева выше находился Индар, а справа ниже Нилида; и в самом низу по оси под Сиделлумом, темнела Хаора.

А с двух сторон, по всем четырём углам карты на свободных местах находились пятна похожие на тень и называлось каждое пятно - Теневой мир.

Все области были связаны между собой полупрозрачными дорогами разных цветов. Интересно было то, что дороги от Нильфара уходили, как к имеющимся на карте областям, так и в никуда, постепенно истончаясь и исчезая. Всего, вместе с Теневыми мирами, было тринадцать областей. И было понятно, что перед присутствующими раскинулась карта миров звёздного мета-скопления Ринидат.

Множество разнообразных фигур, мифических, полумифических существ и животных заполняли клетки игровой доски. Но две фигуры женская и мужская, стоявшие на крупных клетках, были в три раза больше обычных и выделялись из разнообразного множества других существ, тем самым давая понять стороннему наблюдателю, что именно они являлись центровыми.

Одна из них, фигура девушки с луком за спиной и белыми волосами, находилась у края Сиделлума, почти у дороги, ведущей в Индар. Фигура с противоположной стороны обозначала мужчину в одежде охотника с русыми по плечи волосами и мечом на перевязи. Он находился на краю Вандара, на границе с Нильфаром.

Время от времени, кто-нибудь из троих, совершал над какой-нибудь областью доски пасс рукой, и картинка, начинала приближаться, проявляя включённые в неё миры с названиями.

- Чей ход? - спросила женщина.

- Не знаю, - ответил светловолосый мужчина.

- Мой, - прозвучал веселый мужской голос, и в середину игровой доски упала карта, изображающая Джокера. А из воздуха соткался молодой огненноволосый мужчина. И действительно, длинные волосы, гораздо длиннее, чем может быть было положено мужчине, были похожи на языки пламени. И цвет был соответствующий. Не рыжий, не медный, не огненно-золотой, а именно огненный. Казалось, тряхни мужчина головой и огонь запляшет вокруг него.

Карта Джокера упала на игровую доску и мгновенно трансформировалась в мужскую фигуру, занявшую место в середине доски. Чёрный кожаный плащ до колен и без рукавов. Чёрная мужская сорочка заменяла рукава и расстёгивалась на груди. Голову украшал чёрный же бурнус. Маска-платок закрывала лицо, над котором виднелись ореховые глаза.

Вся верхняя одежда, вдосталь была утыкана артефактами, амулетами, талисманами. Мужчина был опоясан мечом в чёрных ножнах. В правой руке он держал шар зеленоватого цвета. Изредка в глубине шара проносились яркие изумрудные искры и мелькала тёмная тень.

Фигура оказалась в сердцевине округлой области - Нильфар.

- Ты выставил тёмного колдуна, - воскликнул черноволосый мужчина, - это не по правилам. Или ты, считаешь, что правила созданы лишь для того, чтобы их нарушать?

- Какие правила… - обиделся огненноволосый, - началась Новая Игра, без правил. Как показала предыдущая, правила только мешают. В конце концов все участвующие в игре стороны, делают всё, чтобы эти правила обойти, а не соблюдать. Поэтому предыдущая партия и потеряла смысл.

- И это говорит обманщик и лжец, который сам сделал всё, чтобы обесценить все правила, - льдистые глаза уставились на огненноволосого, - и вообще-то ты умер.

- Как и он, - огненноволосый указал на светловолосого, - и что значит обесценить… они, - он вновь кивнул в сторону светловолосых, - сами подставили себя под удар, потому что не смогли выйти за те алгоритмы, которые сами же и создали. А я всего лишь обнулил Игру. Надоело исполнять роль погонщика ско…

Он замялся на полуслове, и продолжил:

- Зато мы все увидели, кто, что может, и кто, чего стоит. И главное, кто ничего не может, связанный условностями и договорами. И между прочим, я тоже внёс свою кровавую лепту. Иначе Игра бы не завершилась, и ты бы продолжал киснуть в своей пещере.

- Интересно, что бы сказал на это отец?! Выходит, мы благодарны должны быть тебе, за то, что ты всех уничтожил, - нахмурился черноволосый.

- Ой, да ладно, прям таки уничтожил всех. Не уничтожил, а обнулил процессы, слишком всё стало предсказуемым. Прогресс превратился в регресс. Вы стали толстые и ленивые, и начали тупеть со скоростью света… Да и что вам будет, все живы... я жив, они живы, - он опять кивнул в сторону светловолосой парочки.

Огненноволосый развёл руками.

- А ты исполнил свое предназначение, всё честно.

- А главное, началась Новая Игра, ты это хочешь сказать? - спросила женщина.

- Ну конечно, за это вы и должны быть мне благодарны. Можно делать работу над ошибками, а работа вам предстоит не малая, слишком много было наделано того, чего делать не стоило. А я, даю вам массу возможностей, для исправления этих ошибок.

Теперь поморщились все. С одной стороны было неприятно, что их тыкали лицом, как котят в мокрые тряпки, с другой, они видели, что огненноволосый - Лани́р, бравирует словечками смертных. Смертных, которых он, мягко говоря, не жалует, что удивляло. И в-третьих, они понимали, что он во всём прав. И в тайне, радовались будущей возможности отыграться.

- Наш ты благодетель, - буркнул светловолосый, - только мы теперь не можем проявиться в мирах, мы отыгранный контент, как говорят люди.

- Кого-то предыдущая игра ничему не научила, - хмыкнул Ланир. Ты опять устанавливаешь правила, чтобы потом опять их нарушать. Может проще их не устанавливать, чтобы не было соблазна? Не думал о таком варианте?

- Ланир, хватит языком молоть, - рявкнул темноволосый. - Зачем пришёл? Отец делегировал права мне. Ты явился по его повелению?

- Просьбе Дари́нве, просьбе. Повелевают слугами, а твой отец мне побратим… брат…, - Ланир сузил глаза, - так что племянничек, поумерь пыл. Нам незачем враждовать. Старая то игра, закончилась. Мы теперь нейтральные силы.

- Надолго ли, - хмыкнула женщина.

- А это, зависит от расстановки сил. И если твой брат, раз за разом не начнёт устанавливать и нарушать правила... сам придумал, сам нарушил... Кстати, ты не знала, что он уже вмешался в игру, на самом что ни на есть открытом уровне?

- Что? - приподняла одну бровь женщина.

Светловолосый сидел, не отрывая взгляда от игровой доски, и делал вид, что глубоко поглощён, безмолвно стоящими на доске фигурами, и абсолютно не слышит, рязвязавшейся вокруг него перебранки.

- Брат? - тихо спросила женщина, - что ты наделал?

Светловолосый понял, что притворятся бессмысленно. С укором посмотрел на Ланира, и проворчал:

- Изменил судьбу своего ставленника. Сбил настройку портала.

- И тем самым сделал одну из ветвей вероятностей менее предсказуемой, вернее совсем не предсказуемой на настоящий момент. И тем самым подпортил замысел Ридина.

- Так что велел передать отец? - вновь спросил Даринве.

- Попросил, - мягко поправил Ланир, - он попросил передать, что в Новой Игре появились Маски.

- Он? - светловолосый кивнул на фигуру, стоявшую в середине доски.

- Нет, - сказал Ланир, - он введён для того, чтобы собрать всех игроков в нужное время в нужном месте. Игра будет командной.

- Зачем он тогда ранил моего протеже и потащил в портал? - нахмурился светловолосый.

- Чтобы кодла его сопровождающих, во главе с ведьмой, не помешала ему следовать туда, куда нужно. Но тут появился светлый бог Илорн, и самолично закинул в портал файербол. И что мы имеем в итоге?

Ланир с иронией оглядел присутствующих:

- Мы имеем состоявшуюся встречу твоего подопечного с еще одной ведьмой, причём, очень, не простой ведьмой. И всё стало очень непредсказуемо, а план Ридина не успев начаться, уже пошёл трещинами.

- Она не ведьма, а уж по отцу тем более, - проворчал Илорн.

- Зато по матери ведьма, - отрезал Ланир, - все они ведьмы.

Ланир покосился на его сестру:

- Ах, кстати, у неё же ещё есть отец, очень, не простой отец…, - он откровенно поясничал. - И как быть с ним? Не хотелось бы обращать внимание на эту ситуацию её отца. А он уж очень печётся о своей дочурке. Но теперь это уже твоя проблема, - кивнул он нахмурившемуся Илорну, и продолжил, - ладно, что есть, то есть, будем просматривать вероятности.

А ты, - вновь обратился он к женщине, - попридержи своего братца, а то он или побежит опять кого-то спасать, или потащится за какой-нибудь юбкой. И игра вновь станет не предсказуемой. Или наоборот, очень даже предсказуемой, - и скривился, глядя на Илорна.

- Тогда что за Маски? - спросила женщина и нахмурила тонкие брови.

Ланир улыбнулся. Даже невозможно было представить, что этот пересмешник может не улыбаться.

- А это Верида, пока тайна. Всё узнаете в своё время. Но Ридин просил передать, чтобы вы учитывали внезапное появление Масок, при расстановке сил.

Глава 4. Где-то в междумирье

Огромное пространство космоса напоминало заполненную пустотой овальную линзу. Вроде и не было ничего в нём, но наполненность чем-то присутствовала, хоть и невидима была никакому божественному глазу.

Казалось, в этой пустоте нет жизни, зато кипела жизнь по краям пустоты. Там космос пестрил всевозможным движением - крутились вселенные с множеством галактик, блуждали звёзды, двигались планеты, летели по своим делам кометы. Бороздили космическое пространство различные расы на своих видимых и невидимых звездолетах, кораблях различных архитектурных форм или просто отображающих на время форму мысли кого-нибудь из Высших.

- Ну здравствуй брат, - раздался в пустоте «линзы» чей-то голос. И непонятно было какие вибрации были в этом голосе, звуковые или мысленные…

- Привет, Средний, - послышалось в ответ.

- Тебя долго не было Старший, я не мог тебя дозваться.

- Я был далеко, проявлял то, что не было проявлено, - ответил Старший.

- И чуть не пропустил момент уничтожения того, что было проявлено ранее.

- Да, чуть не пропустил, а как ты думаешь почему? - спросил тот, кого назвали Старшим.

- Ну наверное, ты слишком увлёкся проявлением. Или командная работа заставила забыть о тех, кто остался в прошлом. Или…, - голос сделал паузу, - ты не уследил за временем.

- Да, я не уследил за временем, - эхом откликнулся Старший, - что с ним?

- Я перестал чувствовать его, - ответил Средний.

- Что думаешь? Отец?

- Несомненно, - уверенно ответил Средний.

- Что будем делать?

- Вступать в игру. Слишком большое движение началось. Тьма поднимается и становится светом, света становится больше, того и гляди баланс нарушится в обратную сторону.

- Ну и пусть, чем плохо? - голос Старшего не утратил равнодушия. - Инферналы забьются в свои дыры, до лучших времён. Если такие времена наступят конечно.

- Плохо тем, что свет проявляет тех, кто ранее ушёл во тьму, свет возвращает своих, тех кто когда-то утратил свои позиции. Слишком многие возвращаются.

- И что ты хочешь этим сказать? - задумчиво сказал Старший.

- Надо определиться, на чьей стороне мы будем играть...

- На той, что даст нам шанс переиграть Отца, - без колебаний ответил Старший, - но надо узнать, что он сделал с Младшим…

- Я чувствую его эманации в срединных мирах, думаю его разделили, - сказал Средний.

- Или он разделился… добровольно… во имя великой цели… Отец умеет убеждать, - тихо произнёс Старший.

- Может быть по-разному, его могли обмануть…

- Я уверен, что его обманули, он слишком похож на Отца, а Отец не любит конкуренции, - всё так же тихо, но уверенно продолжил Старший, - и всё же надо узнать, что с ним произошло.

- Я не мог подобраться к срединным мирам, отец закрыл доступ. Повсюду его ищейки и стражи. Пространство наполнено ловушками скрытых смыслов, без тебя, мне и моя скорость не помогла, я не смог пробиться.

- И хорошо, что не смог, казалось Старший задумался. - Если бы смог, то тебя постигла бы участь Младшего. Я ушёл, настолько далеко, насколько смог. Растягивать пространство не такое уж весёлое занятие. Хорошо хоть Хорна всегда была рядом, помогала его структурировать. Да и Хорн здорово помог, поэтому пару «локтей» мета-скоплений мы наработали.

- И в случае чего мы можем туда уйти? - спросил Средний.

- Мы да. Но для того, чтобы туда попасть, нужно вибрировать на очень высокой частоте, на которой приходят творческие младенцы. Видишь ли, Хорне слишком хотелось создать миры высоких вибраций, слишком много она натерпелась унижений и оскорблений от Отца.

- Это для того, чтобы он туда не попал?

- Да. Хорн установил определённые константы, которые закрыли развитие вероятностей, впускающих туда такие искажённые сознания, как Отец.

- То есть вы построили себе райские миры? - усмехнулся Средний. - Постой, - голос его стал тревожным, - но мы же не вибрируем на требуемой частоте...

- Да, не можем... Мы построили себе миры, куда смогут вернуться наши обнулённые матрицы, обнулённые до степени эманаций и импульсов. Мы никогда не сможем вспомнить то, что было, кем мы были. Эта информация будет стёрта навсегда. Таково искупление, которое мы готовы пройти, - тихо промолвил Старший.

В его голосе не было грусти, это была простая констатация факта для того, кто принял самое сложное решение в своей жизни и смирился с последствиями. Решение, которое перечёркивало квадриллионы лет развития душ и сознаний, на различных временных ветках, в разных вселенных, приведших к тому, что в настоящем являлось общей матричной структурой Старшего.

Средний молчал, потрясённый. Осознание конечной смерти не свойственно тем, кто давно забыл, что такое короткая смерть в материальном теле. И Средний понимал, что не готов обнулять свою структуру с таким результатом. А ещё он понял вдруг, что банально боится потерять себя, всё то, чем он являлся.

- Мне страшно, - коротко озвучил Средний свои мысли, - страшно так, как не было страшно никогда. Я даже Отца так не боялся…

- Я знаю, - просто сказал Старший, - но если мы не пройдём через искупление, мы навсегда останемся Им.

- А если мы убьём его? Как бы это ни было сложно, но мы можем заключить союзы. Нам помогут убить его, - с надеждой воскликнул Средний.

- Заключить союзы с кем? - тихо вопросил Старший, - с теми, чьи жизни мы разрушили? С теми, чьи традиции и семьи мы искореняли на корню? С теми, кого мы развоплотили, и кто теперь собирает себя по мирам вселенных, ничего не помня и не зная, но в ком горит ненависть к нам и будет гореть даже тогда, когда мы перестанем существовать?..

Помогут убить кто? Те, кого мы загнали в дыры и щели таких пространств, где даже боги не выживают?.. Ты действительно думаешь, что они захотят заключать с нами союзы только потому, что мы стали врагами Отцу, и что он хочет нас уничтожить? Они будут рады, если мы уничтожим друг друга и добьют того, кто вдруг уцелеет. Хотя вряд ли мы уцелеем, если Отец умрёт.

- Я не хочу умирать брат, - еле слышно сказал Средний, - мы можем убить Отца и уйти в миры, которые вы построили, не умирая.

Если бы фигуры братьев были видимы в пространстве, то можно было бы увидеть, как Старший с сожалением смотрит на Среднего.

- Ты не понимаешь брат, - ласково сказал Старший, - если умрёт Он, то умрём и мы, потому что мы Его части, Его мерности. Без Него - не будет и нас. Единственный способ уцелеть, стереть информацию с наших энергетических матриц и уйти во вновь созданные миры. На это нам хватит времени. Да, мы забудем навсегда кем мы были, но мы станем свободными от Него. И у нас будет шанс проявиться в мирах новыми индивидуальными личностями. Это единственный выход брат.

- Но нас же не будет. Наших личностей не будет, они умрут. Какой же в этом смысл? Мы же возродимся ничего не помнящими дурачками, - в отчаянии воскликнул Средний.

- Судьба Отца предрешена, - вздохнул Старший, - слишком много сил восстановил он против себя. И даже Архитекторы стали посматривать в сторону наших вселенных. Они видят несоответствие нынешнего узора тому, что творили они. А значит, когда умрёт он, умрём и мы. Мы его части понимаешь? И единственный шанс выжить - обнулить наши матрицы от его информации. Тогда мы станем просто чистыми энергетическими носителями, и сможем начать всё сначала.

Средний ничего не ответил, смиряясь.

- Хорошо брат, я понял, и готов следовать за тобой, если нет другого выхода. Но сначала я хочу узнать, что он сделал с Младшим. Младший - наше Время. Мы не чувствуем его личности, но чувствуем его эманации, отголоски… Что же Он сделал с ним? Как Он убил его?

- Он разделил его и простроил через него каналы, скорее всего много каналов. Целую разветвлённую сеть.

- И качает через них энергию, - с ужасом воскликнул Средний, - тогда нам лучше сразу обнулиться и уйти. Мы не одолеем Его, даже такой ценой.

- И мы уйдём. Но сначала испробуем все варианты, будем искать любые выходы, потому что терять нам нечего.

- Но как нам играть на стороне тех, кто нас ненавидит? Кто не будет, заключать с нами союзы? - с сомнением спросил Средний.

- А им не обязательно знать кто мы. Маски скроют нас ото всех - от родичей, которые поднялись из тьмы, от других семей.

- Ты думаешь они не узнают нас за масками? - снова спросил Средний.

- Не узнают. Потому что мы спрячемся за личинами тех, кто давно перестал существовать. Но они отчаянно хотят верить в то, что они живы, потому что не уверены до конца в том, что их нет… И поэтому, ждут их…

Глава 5. Чужой мир

Лорн летел по проходу портала, уже практически не осознавая, где он и что с ним. Следом неслась чёрная фигура. И вот уже показался впереди свет, но вдруг что-то зелёное проскочило вперед и тряхнуло так, что сменилась траектория, по которой несся Лорн, и из одного рукава прохода, вдруг их стало два. Лорна понесло по ответвившемуся левому, а чёрная фигура, летящая за ним, пронеслась прямо, в уже полностью открывшийся зев портала.

Вандара с силой выкинуло из портала, протащило по острым камням, и швырнуло о скалу. В глазах стало совсем темно. От боли и нехватки воздуха, Лорн отупел настолько, что мог отмечать лишь то, что фиксировало его искаженное восприятие. Он слышал какие-то непонятные звуки, шорох, вой.

Вдруг всё его тело вспыхнуло болью, будто мало ему было боли уже имеющейся, и казалось, что стадо хищных маленьких зверьков вцепилось в него зубами со всех сторон. И опять взрыв, удары взметнувшегося щебня, яркий свет, пробившийся даже сквозь тёмную пелену, закрывавшую глаза.

А затем Лорн услышал звуки флейты, будто понёсшие его по волнам, притупляя боль, даря сон и покой. И последнее, что удалось зафиксировать его затухающему сознанию, это огромные, прозрачные глаза, цвета молодой зелёной листвы, смотревшие на него с удивлением. Взгляд его померк окончательно, и лишь звуки флейты сопровождали в темноте его сознание, продолжавшее цепляться за них, как утопающий за коричневую верхушку, наклонившегося к воде камыша.

Очнулся Лорн в полутьме. Всё тело болело, будто по нему потопталось стадо копытных. Грудь давила тупая боль. Голова раскалывалась, дико тошнило. Он попытался приподняться, но потолок мгновенно покачнулся и пополз куда-то в сторону. Его тут же схватили чьи-то руки, и, придерживая за плечи, мягко опустили на подушку. Вспыхнул светильник.

«Магический», - подумал Лорн, увидев, как шар средней величины завис около странного потолка, похожего на потолок пещеры.

- Тебе еще рано самостоятельно подниматься, - послышался рядом женский голос, и Лорн, борясь с дурнотой, уставился во все глаза на молодую девушку.

Молодая, даже можно сказать юная. Светившая из светло-зелёных весенних глаз глубина, поражала. Казалось, оттуда смотрит тайна. Миндалевидный разрез придавал колдовскую харизму юному лицу. Тонкий прямой аккуратный носик, пухлые розовые губки, смотрелись очень ярко на светлом, будто бархатном лице. Лорну очень захотелось дотронуться, и почувствовать пальцами, какова на ощупь эта бархатистая кожа.

Девушка смотрела внимательно и с сочувствием. И вандар подумал, что такой может быть весна, только пришедшая в мир после суровой зимы. Вступив в свои права, она собирает пострадавших от зимы четвероногих для того, чтобы оживить и исцелить их своим волшебством. Ибо другой причины почему он здесь, рядом с девушкой, ещё живой, он не видел.

На ней была светло-зелёная, слегка приталенная длинная туника по эринарской моде, из тонкой ткани, сшитой мастерицами Эльнитраса. Такая ткань очень ценилась в мирах скоплений. Наряду с прочностью, она обладала свойством подстраиваться под погоду, несмотря на то, что была очень тонкой. Туника красиво облегала изгибы красивого тела при движениях, но не была прозрачной. Одной рукой приподняв его голову, девушка прислонила к его губам чашку с каким-то питьём.

- Выпей, станет легче, - сказала она, наклоняя чашку.

Голос девушки журчал, как ручеек. Лорн поймал себя на мысли, что хочет прижаться губами к её губам, чтобы узнать вкус прохладного ручья. Он глотнул, поднесённую жидкость.

Напиток оказался горьким, с каким-то холодящим эффектом. Сделал еще глоток, и допил жидкость полностью.

- Вот и хорошо, теперь надо поспать. Сон лучшее лекарство, - пропела девушка. Удивительно, сейчас её голос был плавным, обволакивающим, словно река.

Лорн откинулся на подушку. Под руками было какое-то мягкое покрывало. И всё это как-то не вязалось со странным пещерным потолком.

- Кто ты? Где я? Как я здесь оказался? - просипел Лорн. Именно просипел, потому что звуки, вырывавшиеся из его горла, нельзя было назвать ничем иным, кроме как сипением.

- Ты в Дубраве, в моем доме. Меня зовут Лаитэль, - сказала девушка, - и мы обо всём поговорим потом, когда ты окрепнешь. Пока тебе нужно знать лишь то, что ты в безопасности.

Но глаза вандара уже закрывались. Даже усилием воли не мог поднять он веки. Слабость от полученных ранений давала о себе знать. И засыпая, Лорн опять услышал вдали, поющую флейту.

В следующий раз он тоже проснулся в полумраке, но этот полумрак был иным. Часть помещения была залита солнечным светом, а та часть, где находился Лорн, находилась в полумраке. Было понятно, что на улице день, но свет солнца был интересный, более холодный, чем в родном мире.

Он был один. Если не двигаться, то практически ничего не болело. Только при шевелении, слегка отдавало тупой болью в груди, а ещё, слегка зудели ноги и руки, а также, бока… и Лорн вспомнил, что перед тем, как окончательно утратить сознание, в него вроде бы вцепилась куча маленьких острых зубов.

«Наверное какие-то маленькие хищники», - подумал Лорн. И тут перед внутренним взором встал его полёт через портал.

«А ведь я в другом мире. Меня же ранили в грудь, загарпунили, как какую-нибудь рыбу. Что же произошло? Кто это был в чёрном? И почему Владычица не смогла меня вытащить?!», - задумался Лорн.

Он оглядел помещение, и понял, что действительно находится в пещере. Но в какой-то странной пещере, вернее пещерной комнате. Овальное помещение было из гранита, но это было не природное образование. Оно точно было вытесано разумным существом, мастером с большой буквы, как некое совершенное изделие. И напоминало ювелирную шкатулку. Почему ювелирную? Потому что везде в стенах, на потолке, сверкали вкрапления драгоценных камней.

А между камнями были проложены светящиеся узоры, тончайшие, которые загорались произвольно, следуя какому-то алгоритму. Именно они давали приглушённый свет в ту ночь, когда он проснулся в первый раз. Даже сейчас днём, включался то один, то другой отрезок стены и потолка. И всё вместе, создавало какую-то невесомую гармонию, впечатление волшбы и колдовства.

Он лежал с краю большой двуспальной кровати, укрытый всё тем же, мягким покрывалом. Рядом стоял столик, с какими-то чашками и пузырьками. В той части комнаты, куда падал солнечный свет, находился большой камин, столик с чайными принадлежностями и два кресла по краям столика, обращенные к камину. Судя по тому, как было тепло и камин не разожжён, стояло лето. Справа находилось панорамное окно, слева дверь в виде арки.

Лорн откинул покрывало и обнаружил, что одежды на нём нет, от слова совсем. Он попытался встать, и на удивление у него это получилось, головокружения не было. Встав, закутался в покрывало и подошел к окну. За окном был усыпанный цветами сад. Большие клумбы разных, умело подобранных оттенков. За клумбами небольшой прудик. За ним такая же белая беседка. И все это окружено цветами. Большими кустами роз, которые виднелись отовсюду, лилиями и какими-то серебристыми растениями, названия которых Лорн не знал. Было ещё много мелких и средних цветов. Разнообразие поражало. Но больше всего впечатляла гармо-

нично подобранная цветовая гамма, которая, если брать всю картину за окном в объёме, отливала серебристо-фиолетовым цветом.

А за садом, начинался дубовый лес. Высокие, старые судя по размерам деревья, создавали небольшой дубовый лес, а может и большой, Лорн дальше не видел.

Послышался едва слышный шум, открывающейся двери. Молодой вандар обернулся и увидел давешнюю девушку - Лаитэль.

- Ясного дня, - поприветствовала его Лаитэль, - Как ты себя чувствуешь?

Лорн хотел было поклониться, но вспомнил, что закутан, в покрывало. Некстати встал вопрос о том, кто обмывал его всё это время? Куда-то же справлял он естественные надобности?! Он мучительно покраснел:

- Ясного дня, - промямлил он и закашлялся, стыдясь своего неуверенного голоса.

Лаитэль, будто понимая, о чём его мысли, улыбнулась:

- Не надо так переживать, я целитель, и в первую очередь, мне нужно было исцелить твои раны, и во вторую очередь тоже. Ты выжил чудом. Слишком много было потеряно крови. Если бы не отец Дубравы, даже моего умения не хватило бы тебя спасти.

Лорн, придерживая покрывало, всё-таки поклонился.

- Я благодарен тебе дева, и прошу принять мою благодарность. Меня зовут Лорн, я волею судьбы оказался выдернут из своего мира и выброшен в этот мир. И сейчас, не могу отплатить тебе за своё спасение и твою доброту. Правильно ли я понимаю? Ты из народа илроев?

- Моя мать из народа илроев, а отец из Высших, - сказала Лаитэль, не называя однако, имени отца.

Высшими в мирах называли богов. И Лорн тактично промолчал, понимая, что девушка не хочет делиться подробностями, касающимися родителя.

- Ты из народа вандаров - констатировала Лаитэль. - Из какого ты мира? И как же ты очутился у нас?

- Я из Фьорна, - сказал Лорн, и продолжил, - в наш мир прорвалась нежить из нижних миров, мы бились с ней, пока Владычица Сирда закрывала врата и ставила печати.

- Нежить?!! - воскликнула Лаитэль, - из нижних миров?

- Да, Владычица сказала, что что-то случилось в мирах Хаоры, и нежить прорвалась через грань миров.

- А что случилось потом? - вновь спросила Лаитэль.

- Мой друг сжёг нежить, стреляя из лука, напоённого огненной стихией, пока мы сдерживали её мечами. Но затем я почувствовал удар в грудь и меня потащило к непонятно откуда взявшейся фигуре.

Послышался звук открывающейся двери. И не успев повернуть голову, Лорн услышал мужской голос:

- Выжил всё-таки... ну что? Отправляем его домой?

Глава 6. Отец Госпожи

Вот и закончились земли, покрытые снегом. Хиэре не хотелось признаваться даже себе в том, что тяжеловато было идти по снегу. Нет, волшба Госпожи помогала, делая ходьбу по глубоким сугробам похожей на скольжение по снежному насту. Но вот непонятно, что было лучше, то ли скользить и спотыкаться, рискуя пропахать носом по твёрдому колючему снегу, или проваливаться в сугробы и ползти по заснеженной равнине.

«Нет, лучше по насту», - подумала Ловчая, - «это однозначно быстрее».

Лучница сидела на полянке полностью свободной от снега. Она только что пересекла последнюю грань, отделявшую Хаору от Сиделлума. Девушка подняла руку и уставилась на ониксовый браслет-часы. Под её взглядом циферблат повернулся внутрь и перед её глазами предстала мини-карта той области, где она находилась.

«Манар. Пограничный мир Сиделлума. Дальше граница с Индаром. Значит я не сбилась с дороги», - подумала Хиэра, - «Госпожа всё рассчитала точно».

Здесь стояла глубокая осень. И казалось, вот-вот пойдёт снег. Но Хиэре необходимо было отдохнуть. Это на территориях Хаоры ей благоволило всё, что встречалось по пути. Заряженная энергией Госпожи, девушка за неделю пересекла все миры мёртвых и вышла на территорию ллумов. Можно конечно было и за мгновение перенестись в нужную точку пространства, но нельзя было привлекать ничьё внимание. Госпожа чётко объяснила, что артефакт исчез не случайно, а значит укравшие его знали, что будет выслана погоня.

«Помни, - сказала Госпожа на прощание, - началась Новая Игра, а значит Высшие выводят на поле своих игроков. Нельзя никому доверять и всегда нужно быть начеку и готовой к любой неожиданности. Все силы играют друг против друга. Вновь созданные союзы так же легко будут распадаться. Поэтому нужно быть очень осторожной».

Хиэра не стала спрашивать за кого она будет играть, потому что это было и так очевидно. За день до отбытия лучницы, две тройки Ловчих отправились в погоню за артефактом, и ещё две тройки уйдут после. И всё лишь для того, чтобы дать ей потеряться в пространстве миров.

Девушка пожалела тех, на кого упадёт внимание похитивших артефакт. Очень повезёт, если кто-то из них вернётся в Залы не тенью, а живым хельваном.

Смарагдовая Тень - артефакт, который казалось, невозможно было украсть. И всего лишь по одной причине. Чтобы украсть артефакт, нужно было быть мёртвым. Всех мёртвых, неважно каких, и как умерших, связывало одно правило. Они не могли противиться воле Госпожи. Никто не мог заставить мёртвого пойти против прямого приказа Владычицы Залов Хаоры. Это было нарушением первооснов, расшатывающих сам замысел существования Мироздания. Но факт оставался фактом. Артефакт был похищен.

«Когда обнаружили пропажу, Госпожа очень задумалась...

- Никто не мог его украсть, - задумчиво сказала тогда она, - никто не мог... кроме... Него..., а это значит, что началась Новая Игра.

И вдруг, притянув к себе Хиэру, стала накладывать на неё руническую вязь защиты от огня. Да не просто вязь. Наряду с рунами, ярко горели огнём странные символы. Мощные рунные ставы, переплетаясь между собой, сетью окутывая тело девушки, от макушки до стоп. Последний раз вспыхнув, рунная сеть впиталась в её тело.

- Ну вот, - устало вздохнула Госпожа, - теперь и Ему придётся повозиться.

- Кому ему? - спросила девушка.

- Ему, - отрезала Госпожа.»

Лучница прошлась по поляне, оглядываясь в поисках какого-либо убежища. Надо было переночевать и отдохнуть. У края поляны стоял большой дуб, вернее ствол, полый внутри с

продольной трещиной, всё что осталось от дуба. В эту трещину Хиэра и пролезла. Внутри было всё устлано мхом. Чего она боялась, так это запаха плесени, но он отсутствовал.

«Мягко, уютно и сухо, о чём еще мечтать?», - подумала девушка.

Уютно расположившись, достала из пространственной сумки снедь.

«Наконец-то можно спокойно поужинать», - лучница с удовольствием уплетала за обе щёки жаркое, свежее и дымящееся, с пылу с жару, точно в таком виде, в каком его положили в сумку.

Запив ужин отваром, в который она добавила три капли иволги, серебристой травы, растущей в мирах Хаоры, девушка устроилась на ночлег. Настойка иволги погружала в спокойный сон без сновидений, но такой чистый и чуткий, что малейшая угроза считывалась подсознанием мгновенно и сознание тут же получало сигнал к пробуждению. И это если ровно три капли, а если добавить на одну каплю больше, то сон становился вязким и сознание отказывалось воспринимать внутренние сигналы. Но если капнуть все пять капель - сон переходил в смерть.

«Как хорошо, что я усердно изучала алхимию», - подумала Ловчая, погружаясь в сон.

Девушка спала и видела сон.

«Как может мне сниться сон», - подумала она во сне, - «ведь я должна спать без сновидений».

Она парила над поляной. На небе стояли две серебристые луны, одна большая, другая маленькая.

«Какие красивые, настолько идеальные, будто выточенные из драгоценного камня», - Хиэра откровенно любовалась лунами, как произведением искусства. - «Хотя... в мире ллумов всё возможно. Почему бы лучшим мастерам не изготовить луны и не поместить их на небо...».

Внимание девушки привлекли два голоса. Она опустила голову и увидела на поляне, возле ствола дуба, в котором она спала, две фигуры, закутанные в тёмные плащи с капюшонами.

- Тихо, - промолвил женский голос, - она очень чутко спит под воздействием иволги.

Хиэра с удивлением узнала голос Госпожи. Но не могла различить лиц. Как назло, свет лун светил им в спины.

- Не волнуйся, её здесь нет, - промолвил мужской голос и из-под капюшона блеснул огненный отблеск.

- Значит она может быть где-то здесь... Хиэра, - позвала Госпожа, задрав голову вверх.

- Её нет здесь, она гуляет по снам, - сказал мужчина, разглядывая её тело. - А ничего, симпатичная...

- Она мне как дочь, что ты хочешь с ней сделать?

- А почему я должен хотеть с ней что-то сделать? - удивлённо спросил мужчина.

- Ты никогда ничего не делаешь просто так. Зачем тебе надо было её увидеть?

- Ой, ладно. Я всего лишь пришёл посмотреть на неё, когда узнал, что ты выставила её игроком. Да и видел её последний раз ещё младенцем, просто любопытно стало.

Хиэра не видела лица Госпожи, но кожей чувствовала, с каким подозрением она смотрит на мужчину. Он тоже обратил внимание на её взгляд:

- Да не причиню я ей никакого вреда. Если бы хотел причинить ей зло, то не принёс бы её много лет назад и не оставил бы у тебя.

- Одному Ридину известно, что у тебя в голове. Разве ты когда-либо считался с моими чувствами. Много лет назад принёс, а сегодня забрал... с тебя станется. Лишь бы все соответствовало твоим планам. Также и меня когда-то, отдал не задумываясь.

- Опять ты за старое, - раздражённо сказал мужчина и вокруг него полыхнуло зарево.

«Кто это такой?», - удивленно подумала Хиэра, - «что так фривольно разговаривает с Госпожой». Удивление её было настолько велико, что даже факт того, что когда-то этот самый мужчина принёс её Госпоже, оставил её равнодушной.

- Сколько раз тебе объяснять, что с такой силой и способностями как у тебя рождаются только тогда, когда само Провидение требует смены предыдущей Госпожи Хаоры. Твоя судьба была предрешена дочь моя, задолго до твоего рождения. Я не в силах был скрыть от Ридина твоё естество. Ничто не может скрыться от того, чей взор пронизывает всё Мироздание.

«Отец... отец Госпожи...», - если сказать, что Хиэра была в шоке, значит ничего не сказать. Девушка замерла, боясь пропустить хоть слово.

- Ридин, - с ненавистью выплюнула Госпожа имя того, кто обрёк её на существование в нижних мирах.

- Ты зря до сих пор злишься на него. Он сделал только то, что требовал от него долг.

- Как-то странно долг распределяет роли. Кому-то выпадает роль пировать в небесных чертогах, а кому-то, влачить существование среди мрака и тлена.

- Если ты родилась с такими... способностями, то задай себе вопрос, зачем это надо было твоей божественной сути. Ты же и без меня знаешь, что Ридин тут ни при чём.

Госпожа молчала, не желая признавать очевидное. Затем сдалась:

- Я просто устала, - гнев действительно уступил место усталости. Она откинула капюшон и с любовью посмотрела на спящую девушку. - Хиэра одна скрашивала моё существование последние годы. С ней я чувствую себя живой и любимой.

- Так я же не против, вернётся домой и продолжите своё существование дальше, - проникновенно сказал мужчина, - идём, моё любопытство удовлетворено.

Мужчина поднял голову и посмотрел Ловчей прямо в глаза. Девушка опешила. Он что, видит её? Миг и фигуры пропали с поляны.

Сконцентрировав внимание, она вернулась в тело. До конца, не веря в произошедшее, девушка в панике подскочила на мховой лежанке, выскочила из ствола и тут же с разгона в кого-то влетела.

Её тут же подхватили крепкие мужские руки.

- Тихо, тихо, не бойся, я не причиню тебе вреда, - послышался уже знакомый голос.

Мужчина откинул капюшон. Огненные волосы рассыпались по плечам. И девушка с удивлением увидела, что они достают до поясницы. Тонкие нервные черты лица невозможно было отследить в статике. Казалось, лицо постоянно неуловимо меняется. У девушки зарябило в глазах.

- Так лучше? - спросил мужчина, щёлкнув пальцами.

На неё смотрело обычное, красивое мужское лицо с тёмно-медными бровями и жёлтыми глазами. Но Хиэра готова была поклясться, что только что это лицо плыло и изменялось.

Он приподнял рукой её подбородок и посмотрел в глаза:

- Девочка, с тобой всё в порядке?

- Какие тонкие пальцы, как у музыканта или убийцы..., - вырвалось у неё, - ой, извини... мм..., - лучница не знала, кто перед ней и как к нему обращаться.

- Значит, в порядке, - засмеялся мужчина.

- Кто ты, господин? Как тебя зовут? И почему ты называете Госпожу дочерью? - одним махом выпалила девушка.

- Я отвечу на все твои вопросы, только идём к ручью, ты умоешься, придёшь полностью в себя, и мы поговорим.

«Надо же здесь есть ручей, а я и не заметила», - подумала девушка.

- Вы молодежь вообще редко, что замечаете.

- Ты читаешь мысли, - возмутилась Ловчая.

- Ты громко думаешь, - парировал мужчина, - ладно, ладно не буду, - он поднял руки ладонями вперёд, признавая своё поражение. - Какие все нервные. А должно быть наоборот. Я должен быть нервным, а ты спокойна как удав.

- Почему удав? Кто это? - лучница мучительно пыталась вспомнить фауну и флору миров мета-скопления, - вспомнила, это ящерица из срединных миров.

- Это... эм... ну да, ящерица... безногая.

- Безногая? Почему?

- Потому что, это змея... большая.

- Аа..., - девушка покраснела, как же она могла забыть.

- Ничего. Невозможно знать всё, а тем более помнить..., - подмигнул мужчина.

Они дошли до ручья. Лучница умылась, и напилась холодной воды. Голова шла кругом от впечатлений. Поэтому холодная водица была как нельзя кстати.

- Кто ты, господин? - повторила девушка. Она не знала, что лучше, обидеться или рассердиться. Но вдруг вспомнила, что даже Госпожа смирилась перед отповедью этого мужчины.

- Я, милое дитя, Ланир.

- Ты бог Огня..., - с восторгом воскликнула Хиэра, - побратим самого Ридина.

- Ну... упрощённо можно сказать и так, хотя потенциал у меня более обширен.

- Божественный, а почему ты называл Госпожу дочерью?

- Потому что она моя дочь. К сожалению, она не любит об этом распространяться. Но это не секрет.

- Ты говорил ещё, что принёс меня Госпоже младенцем. Для того, чтобы она не чувствовала себя одинокой? Почему ты бросил её одну?

- Стоп, стоп, - взмолился Ланир, - женщины... зачем мы создали вас такими болтливыми...

- Извини, - Хиэра понурилась.

- Отвечаю по порядку. Я принёс тебя младенцем, мм... подобрал по дороге. Кто-то оставил тебя на пороге харчевни в срединных мирах. Кто не знаю. И куда мне было тебя нести, ни домой же, вдруг жена подумает, что не то...

- Значит повод давал так думать, - зло буркнула Хиэра. Она уже думала, что услышит волшебную сказку о том, что она потерянная дочь какого-нибудь короля асфелов... ну или вандаров... на худой конец ллумов или индари... нет, ллумов и индари не надо, у них там всё сложно. А тут всё оказалось до банальности просто. Короче говоря, никак.

- Давал, - как-то радостно согласился Ланир, - что поделать, судьба такая.

- Не надо сваливать на судьбу свою ответственность за поступки, - нравоучительно сказала Хиэра.

Ланир остановился и подозрительно посмотрел на девушку:

- Тебе сколько лет?

- Восемнадцать.

- Что-то не похоже, ворчишь как бабка старая, умудрённая жизнью.

Лучница опять покраснела и от этого разозлилась:

- Я не бабка и не умудрённая. Но кое-что знаю.

- Я уже догадался, - настороженно поглядывая на девушку, сказал Ланир.

И лучница вдруг поняла, что он смеётся над ней самым натуральным образом.

«Обалдеть», - вдруг подумалось ей, - «я так нагло разговариваю с самим богом Ланиром, отцом Госпожи».

- Да, молодежь нынче нахальная пошла, никакого почтения к старшим, - добавил Ланир, давая понять, что опять прочитал мысли.

Хиэра покосилась на него.

- Не читал я, - ответил он на её подозрительный взгляд, - просто нам всё одно, хоть думаете вы, хоть говорите, мы всё слышим.

- Божественный, а зачем ты ко мне пришёл? Неужели я представляю для тебя какую-то ценность?

Ланир посмотрел на неё нечитаемым взглядом:

- А пришёл я к тебе, сказать о том, что ты должна дойти до области, которая находится в центре пересечения множества путей. Она находится в срединных мирах, в Нильфаре. Это транспортный узел. Там тебя встретит человек, и вы решите, что делать дальше.

- Я должна? Встретит человек? А ты вообще знаешь, что я здесь делаю?

- Конечно знаю, - засмеялся Ланир, и тут же приложил палец к губам, - тсс... мы же не скажем ничего Гелле? Это будет наш с тобою секрет, - хитро прищурился он, - она расстроится если узнает, что я в курсе твоей миссии, и опять напридумывает всякую ерунду.

- А кто такая Гелла? - растерялась Хиэра.

- Так это Госпожа твоя. Должно же быть у неё имя, как ты думаешь?

- Конечно должно, - выпалила девушка, и, заметив смешинки в глазах Ланира расстроилась, - ты постоянно смеёшься надо мной.

- Ох дитя, не обижайся. Давно я так не умилялся.

- Божественный, но если ты знаешь о моей миссии, ты должен знать, что я должна вернуть кое-что в Хаору.

- Ну конечно, - с честными глазами согласился Ланир, - поэтому и отправляю тебя туда, где тебя встретит мой человек, - он снова прищурился, - а Смарагдовая Тень у него.

- Так это ты украл его?

- Ну, ну... не украл, позаимствовал, для высших целей, у своей горячо любимой дочери.

- А почему не спросил у неё разрешения?

Ланир развёл руками:

- Потому что она долго принимает решения. Видишь ли время в мёртвых мирах течёт по-другому, очень медленно. А куда торопиться мёртвым? Некуда. Некуда им опаздывать. Поэтому и все живущие в нижних мирах живут не торопясь, очень размеренно. Не обходит эта размеренность и богиню.

- А я тогда зачем нужна?

- Затем, что игра будет командной. И потому что, тому, к кому ты идёшь, в компанию нужна умная, находчивая и смелая лучница, - и, не давая Хиэре вставить слово, быстро закончил, - готовая его защитить.

- Он что, толстый, ленивый и трусливый?

- Ну... сама увидишь. А теперь иди спать, скоро утро, - сказал Ланир и... пропал.

«А я уже решила, что действительно представляю для него какую-то ценность, а оказывается его подопечному нужен всего лишь телохранитель», - грустно подумала девушка и, посмотрев на пустое место, где только что находился бог, отправилась досыпать.

Бог Ланир незримо стоял на том же месте, где и был.

«Эх девочка, ты даже не представляешь, какую ценность для меня представляешь... И не только для меня... А посему, охранять как раз будут тебя...».

Глава 7. Отец и Дочь

Лаитэль стояла на краю высокого берега, резко обрывавшегося и отвесно уходившего вниз прямо в море. Бирюзовые прозрачные волны мягко накатывали на скалу, образовывавшую берег, и откатывались обратно в море. Длинные золотистые волосы девушки трепал мягкий морской бриз. Она с улыбкой смотрела вниз на резвящихся в волнах дельфинов.

- Доченька, - будто пространство заговорило тихим мужским голосом. Звучал голос на языке, давно позабытом в мирах. Но Лаитэль прекрасно понимала смысл произнесённого, давно мёртвого языка, на котором говорил её отец… - Я жду тебя у водопада. Как нагуляешься, призови лодку.

- Иду отец, - сказала Лаитэль, и неспешно, наслаждаясь мягким закатным солнцем и овевающим её ветерком, пошла по белой дорожке вглубь острова.

Остров был небольшим, на одного человека. На одного очень, очень богатого человека с прислугой, живущей в небольшом поселении, как сказали бы в мирах смертных.

На одной стороне острова находилось большое ровное плато, на котором высился огромный круглый храмовый комплекс.

В центре стоял сам храм, окруженный тремя кольцами мраморных построек, утопающих в цветах и зелени. Мраморные с серебром ажурные беседки и скамейки расположились возле небольших прудиков с радужными рыбками, симметрично вписывающихся в архитектурный рисунок.

Весь периметр комплекса украшали расхаживающие везде гордые павлины, всевозможных раскрасок и карликовые грифоны. Время от времени, один или двое грифончиков, начинали охотиться за хвостом какого-нибудь павлина, демонстрируя повадки хищных кошек.

Грифончики подкрадывались на полусогнутых львиных лапках к павлину со спины, и клювом выдергивали перо, а то и два, не обращая внимания на гневно курлыкающую птицу. Что поделать, огромный веерообразный хвост, гордость павлинов, сильно закрывал обзор со спины.

По всему острову были разбиты оливковые и апельсиновые рощи, между которыми убегали вдаль белые дорожки. Уходящие ввысь огромные мраморные колонны прямоугольного храма без крыши и стен, окружали огромную статую божества. Навершия колонн сверкали голубым светом, который уходил ввысь и терялся в небе.

По размерам, сам храм сильно отличался от всего комплекса, и смотрелся, как крупная белоснежная жемчужина в небольшой перламутровой раковине, присутствующей лишь для того, чтобы оттенять красоту жемчужины.

В храме и во всём комплексе, горели жаровни с голубым огнем. Их было много, стоящих, подвесных, окружённых множеством цветущих растений, которые не загорались от пламени, а лишь подсвечивались голубоватым светом. И если поднести к такому огню руки, становилось понятно, что огонь не обжигает, а освежает. Голубой огонь - был холодным.

Но самая большая жаровня стояла в центре перед огромной мраморной статуей, изображавшей мужчину средних лет с небольшой бородкой и падающими до плеч волосами. Фигура была из белого мрамора с вкраплениями серебра, алмазов и сапфиров. И падающие тени, солнечные лучи, а ночью ещё видимо и лунные, создавали игру света. И поэтому казалось, что статуя постоянно меняет своё положение.

Над головой статуи сиял знак вечности, в форме двух переплетающихся вселенных, искрящийся голубоватым светом и находящийся в движении. Одежда состояла из длинного, струящегося серебром пеплоса, схваченного на плечах фибулами из небесно-голубых сапфиров.

В правой руке мужчина держал льдисто-голубого цвета посох, увенчанный сияющей, переливающейся холодными цветами многоконечной звездой, чем-то похожей на розу ветров. Посох слабо светился.

Над ладонью другой, вытянутой руки мужчины, в пространстве двигались по своим орбитам планеты, росчерками из ниоткуда в никуда пролетали кометы и падали сверкающие звёзды.

В храме и по всему комплексу неустанно сновали жрецы и служители, из расы валéев, расы - рождённой из эманаций воздуха, двоюродных братьев воздушных элементалей, пошедших в своём развитии путём служения древним Владыкам, и обслуживающей все воздушные храмовые комплексы Высших.

Они были антропоморфны, отличались хрупкой конструкцией тела, белыми струящимися волосами, светло-серыми, почти прозрачными глазами. Если необходимо было взлететь, за их спинами раскрывались воздушные крылья, легко встраивающие валеев в воздушные потоки. Без потоков, им было летать гораздо сложнее.

Над плато возвышались скалы, с ниспадающими разных размеров водопадами, а на скалах, составлявших второй ярус острова, располагался дворец с куполообразной башней посередине. Прилегающие к нему круглые и остроконечные башенки со шпилями и арками, составляли гармоничный ансамбль в бело-золотых тонах, и утопали в стелющихся по стенам цветах и растениях.

От высоких парадных дверей вниз спускалась белая мраморная лестница и упиралась в падающий вниз до плато водопад. По обоим сторонам лестницы за дворец уходили белые дорожки из мраморной крошки с золотыми прожилками, подводящими к белым беседкам. Дворец, как и весь храмовый комплекс, утопал в ароматных цветах и плодовых деревьях.

Лаитэль подошла к оливковой роще и увидела сидящего в траве грифончика пестрой расцветки. Девушка удивленно остановилась. Карликовые грифоны удивительные существа. Они отличались детской непосредственностью, капризностью, крайним любопытством и дружелюбием. В них сочеталась удивительная милота и чувство собственного достоинства. Обычно их расцветки были скромны и в основном однородны. Тёмные цвета преобладали. Но попадались и уникумы, например, как этот. Он напоминал попугая своей пёстрой раскраской. Всё его тело, включая львиные лапы, хвост и птичью голову пестрели зелёным, синим и жёлтым. Цвета располагались не то, чтобы симметрично, но довольно равномерно, придавая его образу необычайную элегантность.

Лаитэль подошла к грифончику и закурлыкала, подражая матерям грифонов. Зверёныш, а она видела, что он был совсем молодой, подросток, уставился на неё янтарными немигающими глазами. Девушка материализовала миску с мраморной говядиной, присела, и стала его приманивать.

Взрослые, большие грифоны сливались своими сознаниями с теми, кого они выбирали в качестве соратников, братьев, наездников. В противном случае никому не удалось бы обуздать эту гордость природы.

Декоративные же грифоны, выведенные в карликовую породу, не хотели входить ни с кем в симбиоз и не показывали, что считают кого-то равным себе по разуму. Чем-то они напоминали в своём поведении кошек, свободных и гуляющих сами по себе, недаром нижняя часть тела у них была кошачьей.

Грифончик встал на лапы, вытянул шею, и медленно стал приближаться к протянутой миске. Подошёл, принюхался, как собака, и осторожно стал брать клювом протянутое угощение. Лаитэль стала напевать тихую успокаивающую мелодию и попробовала погладить пернатого малыша. Он не возражал и смотрел на девушку, не переставая поглощать сочные кусочки мяса.

Опустошив миску, грифончик неожиданно улёгся на траву и стал тереться клювом о её руку, будто поощряя продолжать осторожные поглаживания. Лаитэль опустилась на колени и

стала обоими руками гладить малыша по шелковистым пёрышкам головы, острым ушкам, не забывая оглаживать бока. Грифончик млел, прищуривая глаза от удовольствия.

Наконец Лаитэль встала, и, погладив грифончика последний раз, пошла в сторону храмового комплекса. Оглянувшись, она увидела, что зверёк наблюдает за ней, продолжая лежать в траве. Дойдя до перекрёстка, девушка промолвила в пространство - «синдэ́». И в воздухе закружилась, опускаясь к ее ногам небольшая серебристая лодочка, сделанная в форме листа дуба. Девушка вошла в лодку, та поднялась, и постепенно набирая высоту, заскользила к дворцу, стоящему над большим водопадом.

Лаитэль, стройная, как тростинка, стояла с развевающимися волосами и наслаждалась полётом. Обернувшись к морю, она увидела на горизонте паруса.

«Отец разрешил в кои то веки приплыть нуждающимся в пророчестве», - подумала она.

Пророки, оракулы и прорицатели были во всех мирах и во все времена, но боги, полубоги, и прочие бессмертные, веками ожидали разрешения на посещение храма титана Кеса́ра, чтобы один раз в жизни получить пророчество, одно - на всю их бессмертную жизнь.

Титан Кесар, сын Земли и Неба, умел больше, чем отпущено многим бессмертным. Хранитель Оси Вселенной, он видел далёкие миры и судьбы смертных и бессмертных, любые из их воплощений в прошлом, настоящем и будущем, если была в этом нужда. Только его могучий разум, вскормленный матерью-землёй и безграничный, как отец-небо, мог проникать в любые слои энергии и информации.

Кесар, тем немногочисленным, кто посещал его остров, лежащий вне временных дорог, давал не просто пророчество, которое было невозможно изменить, он давал совет, который давал возможность, исполнить это пророчество в самом наилучшем для страждущей души варианте.

Ничто не могло поколебать чистый могучий разум Кесара, кроме одного, любви… Плодом этой любви и стала Лаитэль, младшая дочь могущественного титана и колдуньи зелёных лесов, красавицы из расы илроев, жившей в соседнем мета-скоплении.

Лодочка с Лаитэль, поднявшись над водопадом, плавно спикировала к началу мраморной лестницы. Вверху на ступеньках её встречал отец. Девушка вышла из лодки, поднялась по ступенькам к отцу и молча поклонилась. Титан был высок ростом и отличался той врождённой статью, которую мог иметь только один из первенцев Земли.

Тёмно-русые волосы спускались до плеч, клиновидная бородка, темнее волос, украшала подбородок, голубые, как само небо глаза ласково смотрели на Лаитэль. Завершал образ прямой нос и красиво очерченные губы. Тот, кто бывал в храме на нижнем плато, несомненно узнал бы в этом мужчине точную копию статуи, находящейся внутри храма. Статуи титана Кесара.

Отец притянул дочь к себе и поцеловал в висок.

- Как я соскучился, - ласково сказал он.

- Отец, я тоже скучала, - улыбнулась девушка, - я видела паруса вдали, ты ждёшь гостей? - продолжила она.

- Да, - сказал Кесар, - кое-кому очень нужен мой совет и мое пророчество, - и думаю, их скоро будет много…

- Почему? - спросила девушка.

- Началась Новая Игра. И игроки пытаются выяснить, стоит ли вступать в игру. Никто не хочет быть проигравшим.

Лаитэль задумалась.

- Это как-то связано с тем, что ты так срочно хотел меня видеть?

- Ну если не считать, что я всегда хочу видеть свою любимую дочь, то да, связано. Но мы успеем ещё поговорить о деле, давай пройдёмся до беседки и перекусим простой пищей.

Они медленно пошли по одной из дорожек, огибавших дворец. Подойдя к открытой беседке, увитой розами, они сели за небольшой столик напротив друг друга. Тут же появившийся валей, выставил на столик угощения и напитки.

«Простой пищей», - подумала Лаитэль, глядя на что-то воздушное разноцветное, ароматное, не известное даже ей.

- Отец, я всё хотела тебя спросить, - сказала девушка, - почему те, кто к тебе приезжает, не боятся пророчеств, ведь изменить ничего нельзя. А если пророчество будет плохое?

- Видишь ли дочь, - ответил Кесар. - Не бывает плохих или хороших пророчеств. Я не занимаюсь ни предсказаниями, ни прорицаниями. Я оглашаю волю вселенной тем, на кого она соизволила направить свой взгляд, и кто попал в сферу её интересов, а таких немного. По воле вселенной, я вижу не то, что скрыто облаками судьбы, а вижу разветвлённость вариантов исполнения этой воли, те линии вероятностей, которые наиболее проявлены, и которые проявлены не очень.

Но... те, которые проявлены не очень, можно проявить и сделать выпуклыми, если они наиболее благоприятны и соответствуют желаниям вопрошающего. Как правило, они составляют узор, простроенный многочисленными воплощениями, когда боги ещё не были богами, в тех временах, которые давно скрыты от нас туманом забвения, и берут своё начало в непостижимом.

- Поэтому к тебе так мало приезжает бессмертных?

- Ко мне приезжают лишь те, кого приглашаю я по высшей воле, ну... и немного по своему желанию - засмеялся Кесар.

- Как этот бессмертный? - кивнув в сторону парусов, спросила Лаитэль, - я чувствую, это мужчина.

- Да, как этот бессмертный, удостоенный честью играть за тех, кто стоит намного выше, чем все мы вместе взятые.

- Так вот почему ты отказал в пророчестве дедушке Элда́риэну, - задумчиво сказала девушка.

- Зачем пророчество тому, жизнь кого и так предопределена условностями.

- А я? Моя жизнь тоже предопределена условностями?

- Ты, дитя двух разных миров, и можешь выбирать. Либо ты живешь по природным алгоритмам, и сливаешься с миром природы, и тогда жизнь твоя будет предопределена сменяющейся цикличностью. Или, ты выходишь за рамки энергетической обыденности и отдаёшься информационным потокам. Информация бессмертна, ей нет нужды проживать из жизни в жизнь одно и тоже. И тогда ты обретёшь, как говорят люди, полёт души. Сможешь бродить по другим мирам и видеть сквозь пространство и иллюзии. Такой дар я получил от своего отца, и этот дар если захочешь, я готов передать тебе.

- А если выбрать золотую середину? – спросила, задумавшись Лаитэль. - Это возможно? Жить жизнью илроев, сливаться с природой, и бродить по другим мирам?

- Возможно, - ответствовал Кесар. Нет ничего не возможного, и никогда не слушай того, кто говорит обратное. Но это нелегко. Весь вопрос в сознании, сможешь ли ты удержать баланс этой золотой середины?! Энергия тяжела, информация легка. И для того, чтобы одно нивелировало другое, нужно уметь удерживать состояние нуля.

- Но я же с детства занималась практиками концентрации, я могу очень хорошо удерживать разные состояния, - удивилась девушка.

- Ты привыкла удерживать состояния, находясь в мирах, к которым ты привыкла. В других мирах, не входящих в наши вселенные, всё по-другому. Состояние самих энергий и информации другое. Бывает взаимоисключающее и отторгающее, а бывает, сливающееся вместе и существующее одновременно. А есть миры, где энергия разделена на абсолютно разные состо-

яния. Мы уж не говорим, про миры, где есть либо энергия, либо информация, или вообще нет ни того, ни другого.

- Как всё сложно, - расстроилась Лаитэль.

- Дар моего отца и состоит в том, что моё сознание делается адаптивным к состояниям различных миров, к их законам, и физическим и магическим. И нет вреда от такого сознания ни для чужого мира от меня, ни для меня от другого мира.

- Я поняла отец, сложный выбор, не думаю, что готова буду в ближайшее время принять какое-то решение.

- Не торопись, ты можешь даже не выбирать. Остаться тем, кто ты есть, моей дочерью, милой моему сердцу, - с улыбкой сказал Кесар.

- Но с нераскрытым потенциалом, заложенным обоими родами, - вздохнула Лаитэль, и с досадой добавила, - вот что происходит, когда совмещают несовместимые вещи… Ох, прости отец, - спохватилась она.

- Не извиняйся, - улыбнулся Кесар, - когда совмещают несовместимое, получаются очень интересные результаты.

- Например, как я.

- Ты не интересный результат, ты плод любви, - продолжая улыбаться, добавил титан.

- Скоротечной любви, - уточнила девушка. - Ты простил мать? - неожиданно добавила она.

- Мне не за что прощать твою мать, - задумчиво сказал Кесар, взгляд его затуманился, будто вспоминая прошлое.

И Лаитэль знала, что в этот момент перед его глазами стоит образ её матери, прекрасной илрои, с синими, как колдовской омут озёр глазами, соболиными бровями вразлёт, тонким трепетным носом и полными чувственными губами, на которых казалось всегда горит жар поцелуев.

Тинтана́рэ Вишнёвый цвет, дочь короля илроев Элдариэна Виаритэ́, мать Лаитэль и бывшая возлюбленная одного из столпов, поддерживающих соседнюю Вселенную - могучего титана Кесара.

- Я старше твоей матери на несколько тысячелетий, - тихо сказал Кесар. - Разве можно ставить в вину морю, за то, что оно море; огню, за то, что он огонь; воде, за то, что она вода? Каждый живёт по велению природы своей души.

- Но мать предала тебя…

- Предают того, кто ожидает предательства. Предательство, это всегда вопрос доверия. Если ты требуешь доверия к себе, не удивляйся, что твои ожидания не оправдаются. Если сам нуждаешься в чьём-то доверии, то тебя обязательно предадут. Потому что это все - зависимости. А души, и смертные, и бессмертные, всегда приходят в миры, избавляться от зависимостей. Выравнивать своё сознание. Это и есть состояние нуля. И тогда ни этот мир, ни какой-либо другой, никогда не сможет тебя зацепить. Не за что цеплять будет.

- А как-же тогда любовь? - задумчиво спросила Лаитэль, кажется думая о чём-то своём.

- Любовь - безусловное чувство. Например, как мать любит своё дитя, без всяких условий. И если ты не ставишь кому-либо условий, то значит, ты принимаешь его таким, какой он есть, и ничего от него не ждёшь в ответ. Но и это чувство состоит из чего-то, и это всегда информационная и энергетическая компонента определённой частоты.

- А если он поступает по отношению к тебе плохо? - спросила девушка.

- Задай себе вопрос, чем ты притянула к себе такое отношение… Любое энерго-информационное существо состоит из определённых программ, заложенных когда-то давно, например, миллиарды жизней назад. И твоя личность и определённые действия в этом воплощении, всегда следствие давней обусловленности…, то есть вложенных в тебя когда-то алгоритмов.

Которые, мы как раз и меняем из жизни в жизнь. Либо развиваем и трансформируем, либо наоборот, обесточиваем.

- Смертным проще, у них жизнь короче, - пробурчала девушка.

- Совершенно верно, но не у всех. Если вопрос касается людей срединных миров, то да, - засмеялся Кесар, - поэтому во многих Вселенных души стремятся воплощаться в человеках, для того, чтобы скорее избыть карму. Очередь стоит в человеческие миры.

- И какие выводы следует сделать тому, кого предали? - тихо спросила Лаитэль.

- Самое главное, это понять и принять то, что тот человек, который тебя, как тебе кажется предал, всего лишь отразил то, что у тебя внутри. Внешний мир - наше кривое отражение, и отражение это, мы получаем в основном через себе подобных. И нужно найти этому причину - в бессознательном, в прошлых жизнях, когда ты предавал сам и когда предавали тебя. Люди в отличие от бессмертных этого не помнят. Ну, или попытаться обойти эту программу, если сможешь, - усмехнулся Кесар.

- Как?

- Да просто не входить в эту ловушку и всё. То есть, ни от кого, ничего не ждать, тогда и разочаровываться не придётся.

- Если следовать твоей логике отец, бессмертные тоже смертны? - спросила Лаитэль.

- Обязательно. Всё, что имеет определение - конечно. Даже Вечность…

- Ты говоришь отец, как учёный, и мне становится непонятным, как смог ты полюбить такую чуждую науке женщину, как моя мать. И как я могла родиться в любви?

- Во-первых, Лаитэ́, какую такую? Твоя мать красивая женщина, умеющая любить и быть любимой, умеющая делать то, что у неё лучше всего получается, работать с энергией в материальном мире, согласно своей природе.

Во-вторых, и учёные иногда позволяют себе любить, и самозабвенно окунаются в горнило страстей… на короткое время, но такое время никогда не забывается, и о нём не жалеют.

И в-третьих, когда от таких союзов рождаются дети, это говорит о том, что всё что случилось, было, не напрасно…

- Я понимаю отец, но предательство, как ни назови, оно всё равно остаётся предательством.

- Это всего лишь взгляд с одной стороны. У каждой стороны своя правда, в этом нет объективности. К определённому результату приводит всегда много путей, и каждый путь из чего-то состоит, и надо понимать из чего состоит твой путь, приведший к предательству. А понять это можно только выйдя за рамки эмоций. Эмоции всегда застилают взор.

Я люблю Кесару, свою супругу. Я знал её всегда, она дополняет мою натуру, она такая же как я. Я люблю её ровной, спокойной любовью. Мы изначально были созданы друг для друга, для выполнения особой задачи. Даже люди рождаются не просто так, а уж про нас и говорить нечего, наша жизнь, это ответственность в глобальном масштабе, ответственность перед вселенной.

Наша жизнь предопределена и предсказуема. Да, да…, - воскликнул Кесар, глядя на то, как удивленно Лаитэль вскинула брови, и продолжил, - намного предопределённей, чем у людей. Наша с Кесарой жизнь обусловлена нашим рождением. Мы константы, сами алгоритмы нашего мира, которые были рождены для нужного места, в нужное время. Которое, увы... прошло.

Девушка почувствовала, что присутствует при неком откровении. Отец никогда серьёзно не отвечал на такие вопросы, особенно о матери, только отшучивался.

- Но, когда я встретил твою мать, вдруг почувствовал, как огонь побежал по моим жилам. Я давно уже оставил даже мысли о том, что кто-то из бессмертных или смертных может заставить моё сердце забиться быстрее. Не могу сказать, что и нуждался в этом.

Пойми дочь, моя жизнь размерена, душа моя живёт в очень высоких вибрациях Вселенной, и ей редко хочется окунуться в материальность мира. Я привык жить без эмоций. Но от проказ бога любви никто не застрахован, - засмеялся Кесар, - и мне так захотелось хоть на короткое время вновь почувствовать эмоции, пожить в горниле страстей.

Лаитэль молчала и практически старалась не дышать, чтобы не сбить странное состояние отца, позволившего себе такую откровенность.

- Твоя мать была другая, не похожая ни на титанид, ни на богинь. Она была соткана из других энергий, она была соткана из стихий.

В ней звучали другие мотивы, она говорила с другими богами. Не поклонялась, а говорила. Потому что в её семье не принято молиться, а принято разговаривать. С уважением, но разговаривать, на равных... Да и как можно ставить природу на подчиненные роли, а илрои, это эманации, мысли самой природы, ведущие начало от её сути. Природа стоит за своими любимыми детьми, любит их и защищает, делает их сильнее и мстит их обидчикам.

А главное, она была столь прекрасна, своею непохожестью на мой род, что невозможно было не обратить на неё внимание. Я чувствовал себя, как тот, кто всю жизнь живёт под тропическим небом и вдруг удивляется, увидев северные звёзды в морозном воздухе, неужели существует такая красота?!!

- Закон противоположностей, высоких и низких частот и вибраций, - вырвалось у Лаитэль, - соединились плюс и минус, энергия и информация.

Кесар вновь засмеялся:

- Это и есть жизнь. Вот видишь, как в тебе много от меня, твоя мать не любит изъясняться такими словами, хотя может. Суть души твоей матери такова, что как и природа, она подвержена цикличности. Живёт, любит и умирает, чтобы потом возродиться в новом начале, требующем новых ощущений, новых чувств, заставляющих следовать за новыми желаниями. Я знал это. Знал, что это ненадолго, но в тот момент не хотел думать об этом, просто хотел жить и любить…

- Но время прошло, и ты столкнулся с жестокой действительностью, прямо как человек…, - промолвила Лаитэль.

- Да. В том, что касается любви, боги не отличаются от людей, а то ещё и проигрывают им. Сколько случаев, когда в любви отдавалось предпочтение людям, а не богам, - усмехнулся Кесар. - И знаешь Лаитэ… наша любовь не прошла, она запечатлелась в тебе… ты результат этой любви. Поэтому в тебе и в твоих потомках наша любовь будет жить и питать род, делать его сильным, красивым, знающим и удачливым, соединяющим противоположные алгоритмы.

- Пока не иссякнет какая-либо компонента, и вообще, если они будут эти потомки…, - пробормотала девушка.

- Почему они не должны быть? - проницательно посмотрел на дочь Кесар.

Конечно же, что могло укрыться от пророка Вселенной в этом мире, но отец всегда был тактичным к тому, что касалось неё.

- Потому что всё запуталось отец…

- Расскажи, - попросил Кесар, и девушка начала свой рассказ. Рассказала о молодом вандаре, выкинутом внезапно возникшим порталом в её мир, где она жила и проходила обучение. О внезапно вспыхнувшем между ними чувстве. И о том, как внезапно всё оборвалось… потому что, в один из ясных счастливых дней, в её доме появился нежданный гость.

Глава 8. Мастер Лазурного Семицветника

Около распахнутой двери стоял низкорослый мужчина.

«Ллум» - сразу опознал его Лорн и насторожился.

Всем мирам Древа был известен дурной нрав ллумов, лучших мастеров-артефакторов мета-скопления, прославившихся на все миры, как своим мастерством, так и премерзким характером.

- Ясного дня Далт, проходи, - улыбнулась Лаитэль. Затем повернувшись к Лорну сказала, - это мастер Далт из Сиделлума, это он помогал мне выхаживать тебя. Без него я бы не справилась, очень уж ты тяжёлый, - и засмеялась переливчатым смехом.

«Будто колокольчик звенит, или... капель капает». Лорн и не заметил, что заворожённо уставился на смеющуюся девушку влюблёнными глазами. Но зато это очень хорошо заметил Далт.

- Глаза сломаешь, - недовольным голосом проворчал Далт, - не успел очухаться уже пялишься...

- Далт - возмущённо воскликнула Лаитэль, - ну зачем ты так, - видно было, что девушка расстроилась.

- Лаитэ, - Далт подскочил к девушке, и Лорн заметил, что он ниже её на голову.

Тем временем Далт с видом раненного оленя схватил её за руку, заглядывая с тревогой в глаза:

- Лаитэ, - повторил он, - прости.

- Девушка вновь улыбнулась и погрозила ему пальчиком. - Ты меня обманывал, когда говорил, что твой характер в моём присутствии меняется до неузнаваемости.

- Меняется бесценная, но только в твоём присутствии. При виде других мужчин, которые пялятся на тебя влюблёнными глазами, гнев застилает мне разум.

- Ох Далт, не начинай пожалуйста, мы уже всё обговорили, - видно было, что девушке неудобно обсуждать эту тему в присутствии Лорна.

«Ого», - подумал Лорн, и с удивлением почувствовал волну бешенства, поднимавшуюся откуда-то изнутри, - «я что влюбился...», - вдруг растеряно подумал молодой мужчина, - «я же вижу её третий раз, а в здравом уме, так вообще первый...».

- Далт один из лучших артефакторов, - сказала Лаитэль извиняющимся тоном, и посмотрела на Лорна.

- Наслышан, - коротко ответил Лорн, - мастер Далт из гильдии Лазурного Семицветника, специализирующийся на скрытых ловушках.

- Ну не только, - протянул Далт, - просто ловушки получаются у меня лучше, чем у всех остальных.

Лорн беспристрастно смотрел на него, стараясь оценить, как будущего врага и соперника. Ллум, достигавший около полутора метров роста, еще считался высокорослым среди своих соплеменников. Чёрные слегка волнистые волосы спускались ниже ушей и закрывали шею. Слегка раскосые чёрные глаза смотрели недоброжелательно.

Бакенбарды спускались вниз трёхдневной щетиной, очерчивая скулы, и переходили в небольшую аккуратную бородку, соединяющуюся с нижней губой посередине. По тщательно прорисованной форме снаружи и выбритой изнутри, Лорн догадывался, что вырасти этой щетине больше чем на три дня, никто не даст. Прямой породистый нервный нос и красивый рисунок губ, довершали образ.

Одет он был в тёмно-синие кожаные штаны и сюртук, обшитый золотым узором по наплечникам, лацканам и отворотам на рукавах. Длинные петли пуговиц тоже были обшиты золотом. Под пиджаком находился жёлтый жилет оттенка близкого к золотому, также обшитый

по вороту золотым шитьём. Около горла виднелся распахнутый белый ворот рубахи. На талии сиял драгоценными камнями широкий пояс.

И всё это кричало роскошью, но роскошь была не в каменьях и золоте. Это были артефакты, включая пуговицы, украшавшие в том числе, лацканы пиджака.

Лорн прищурился и вгляделся. И пуговицы, и серьги, и тройная цепочка с кулонами, спускавшаяся каскадом на грудь, а также, кольцо и массивный браслет, всё было сделано из драгоценных металлов и усыпано самоцветами.

Артефакты, очень дорогие, можно сказать бесценные, сделанные рукой истинного мастера, напитанные волшбой горных массивов и подземных рек, сочетающие в себе силу сознания мастера и секреты алхимии, передаваемые из рода в род, из гильдии в гильдию, за разглашение которых следовала немедленная смерть.

Он был красив этот сын подземных пещер, и знал об этом очень хорошо. Единственным недостатком был рост, хотя кто смотрит на рост если есть внешняя красота и острое сознание. А то, что это сознание острое, лишённое изъянов, в этом Лорн не сомневался. Только мастерам ллумам, лишённым искажений в сознании было доступно такое мастерство, которое криком кричало с его украшений. Да и имя Далта Балреда сына главы гильдии Семицветника гремело не только в мирах скопления, но и за его пределами тоже.

По его крепкой натруженной фигуре и ярко выраженным мускулам было видно, что Далт знаком с ударами молотом по наковальне не понаслышке. А если ко всему этому добавить немыслимые богатства, добытые безусловным трудом, даром и мастерством, то... Лорн почувствовал себя неуютно. Что может он предложить Лаитэль. Хоть он и сын главы одного из вандарских родов, и род его был далеко не нищим, но что это значит в сравнении с тем, чьи работы, не считаясь с затратами, пытаются заполучить все сильные миров сих.

Несмотря на обуревавшие его мысли и сомнения, Лорн спокойно смотрел на Далта и знал, что не отдаст Лаитэль без боя.

«Без боя?» - ошеломлённо подумал Лорн, - «что я несу... я уже готов убивать за неё? Да он уделает меня одной пуговицей с лацкана сюртука. Хотя даже не знаю, кого она видит во мне, нравлюсь ли я ей хоть немного... Да и он участвовал в моём спасении. Неужели я отплачу злом за содеянное добро?».

Лорн почувствовал себя несчастным.

- Ну что насмотрелся? - усмехнулся Далт.

- Почему-то я представлял ллумов в грязи и в пыли за наковальнями, - машинально выпалил Лорн, и тут же покраснел, - извини...

- Ничего, - почему-то смягчился Далт, - любой ллум гордится тем, что может стать за наковальню или любой другой инструмент, ибо это означает, что ему не чуждо мастерство, и это даёт ему шанс подняться до уровня мастера. Это значит, что он сможет завести семью и его семья не будет голодать. И без грязи с пылью при нашем деле не обойтись.

Он вынул из кармана небольшую шкатулку, открыл и Лорн увидел лежащую на красной бархатной подушечке заколку. И... не смог оторвать глаз... так она была красива. На небольшом тоненьком золотом стебельке и зеленых листочках покачивались маленькие белые колокольчики.

«Они не могут покачиваться», - одёрнул себя Лорн, - « они же лежат...».

Но они покачивались, Лорн понимал, что это морок, и приглядевшись увидел лёгкое сияние. Это был оживший ландыш, искусный шедевр, сделанный из драгоценных камней. Казалось ещё чуть-чуть, и колокольчики издадут мелодичный звон.

- Очень тонкая работа, - произнёс он.

- Смарагд, золото и нефрит, - сказал Далт, - но не это главное.

- Не сомневаюсь, вряд ли мастер Далт будет делать простое ювелирное украшение, хоть и безусловно прекрасное.

- Совершенно верно, - Далт повернулся к Лаитэль, - бесценная, я очень беспокоюсь о твоей безопасности, поэтому позволь преподнести тебе эту безделушку в виде утреннего сюрприза.

- Ох, Далт, - промолвила девушка, - ты же знаешь, что не в моих правилах принимать такие дорогие подарки. Нет, нет, - воскликнула она, видя, что Далт хочет её перебить, - я знаю, что это очень дорогое украшение-артефакт. А как он работает? - не удержалась Лаитэль и машинально прикусила палец, чем напомнила Лорну любопытную девочку, которая старается держать лицо, но любопытство берёт верх.

- Это - заколка-невидимка. Лаитэ, я беспокоюсь о тебе, - повторил Далт, - в мирах неспокойно, - эта заколка именная, она сделана именно для тебя. Как только ты её оденешь, она подстроится под твоё сознание и твою энергию. Если вдруг, рядом с тобой будет находиться кто-то или что-то угрожающее тебе хоть чем-то..., - Далт метнул взгляд на Лорна, - то ты мгновенно станешь невидима...

- Странно, - промолвил Лорн, - артефактами-невидимками в наше время никого не удивишь.

- И неосязаема, - продолжил Далт неоконченную фразу, - а когда поймёшь, что опасность миновала, артефакт тут же считает твоё желание и вновь материализует тебя в реальности.

Если бы мог, Лорн бы отчаянно покраснел за свою оплошность. Мог бы и сам догадаться, что такой мастер не будет создавать простой артефакт-невидимку, в большинстве случаев, не решающий проблем, особенно когда охотник на дичь, опытен. А вот «неосязаемость», это безусловная неуловимость, если жертва сама не сплохует и не проявится раньше времени. Лорн впервые за весь разговор с уважением посмотрел на мастера.

- Можно? - Далт вопросительно взглянул на Лаитэль.

Девушка помедлила, затем улыбнулась и кивнула:

- Очень уж она красива, не могу устоять.

Далт подошел к девушке и заколол на виске прядь волос. Заколка засияла сначала ярко будто настраиваясь на ауру Лаитэль, а потом вернула себе приглушённое сияние, создающее впечатление какой-то ласковой медовости. Колокольчики закачались, повинуясь ритму сияния. Девушка замерла секунды на три, а потом расслабилась.

Лорн в который раз поразился изяществом и красотой артефакта, а также заметил, как этот ландыш подходит Лаитэль. Девушка-весна с ландышем в волосах. Просто, легко, изящно и со вкусом. А также безумно дорого. Потому что сведущему в артефактах, было сразу видно - девушка носит в волосах целое состояние.

- Она будет меня защищать, - вновь улыбнулась Лаитэль, прислушиваясь к чему-то, - спасибо Далт.

Девушка слегка наклонилась и поцеловала его в щёку. Чувствуя на себе победоносный взгляд Далта, Лорн стиснул зубы.

Глава 9. Младшие жрицы

Проснулась Хиэра от громких криков, раздававшихся с поляны. Мгновенно выхватив лук из пространственного кармана, девушка выскочила из ствола. И, обомлела. На поляне творилось что-то невообразимое. Там катался какой-то большой клубок, из которого били молнии, шипел пар и сыпались искры. А самое главное, клубок орал на два женских голоса.

«Что за ерунда», - подумала девушка, - «что это такое?!».

Тем временем, клубок распался и разлетелся в разные стороны. И лучница с удивлением увидела двух девушек в синих балахонах. Девушки стояли на четвереньках и шипели друг на друга словно рассерженные кошки. Было видно, что ещё миг, и они вновь кинутся друг на друга.

- А ну стоять! - рявкнула Ловчая.

Девушки посмотрели на неё как на привидение, и часто заморгали, видимо думая, что она исчезнет. Но Хиэра не исчезала. Та, что слева, быстро пришла в себя и продолжая стоять на четвереньках хмуро смотрела на Хиэру. Та, что справа, продолжала смотреть на девушку ошалевшими глазами.

- Давайте вы встанете в вертикальное положение, и мы спокойно поговорим.

Обе одновременно встали на ноги.

- Ты откуда здесь взялась? Здесь, никого не было, - спросила первая девушка.

- Оттуда, - Хиэра показала рукой на ствол дерева, - вы не дали мне выспаться.

Они выпрямились, и подошли к ней подозрительно посматривая.

- Ну извини, - опять сказала та, что слева, - мы не хотели тебя напугать.

- Что не поделили?

- Она увязалась за мной. Хотя ей велено было - сидеть дома.

- Я, Хиэра, - девушка поняла, что нужно вспомнить хорошие манеры, и приветственно кивнула подбородком.

Девушки молча смотрели на лучницу.

- Я, Нэ́рис, а это моя младшая сестра Орис, - ответствовала наконец разговорчивая, как обозначила её про себя Хиэра.

- Я сама могу представиться, - раздался звонкий голос второй девушки.

- Ну так чего стоишь, будто воды в рот набрамши, - недовольным голосом сказала первая.

Девушки действительно были очень похожи между собой. Обе были черноволосы. Блестящие прямые волосы у старшей, и слегка вьющиеся у младшей, спускались ниже плеч. У обеих были тёмно-синие глаза, насыщенного цвета.

«Надо же», - подумала лучница, - «я никогда не видела такого цвета глаз раньше, будто смотришь сквозь лазурь на глубину».

Аккуратные носики и пухлые губы. Только у старшей, черты лица были крупнее. Синие плащи с капюшонами, отороченные золотой тесьмой, и принятые Хиэрой за балахоны, были выпачканы в пыли. Под пристальным взглядом Хиэры, девушки обратили внимание на состояние своей одежды. Поочередный взмах рукой и плащи засияли блестящим шёлком.

Закончив с одеждой, Орис отошла на шаг и важно сказала:

- Мы младшие жрицы храма Памяти из Ортеи, одного из миров Индара...

- Мы просто путешествуем, - перебила её Нэрис. По её лицу было видно, что она не довольна болтливостью сестры.

- Да ты что, не видишь, что это она и есть? - возмущённо воскликнула Орис.

Хиэра насторожилась и вопросительно посмотрела сначала на одну потом на другую.

Нэрис вздохнула:

- Может присядем где и поговорим?

- Идём.

Хиэра отвела девушек к давешнему ручью, и пошла умываться, подавая пример. Когда все привели себя в порядок и присели на траву у ручья, Хиэра достала завтрак, состоявший из хлеба, масла с сыром, и горячего чая. Девушки последовали её примеру. У каждой оказался заготовлен хороший завтрак, состоявший из овсяной каши с маслом и чаем.

- Рассказывайте, - попросила лучница.

- Как я уже сказала, мы - младшие жрицы храма Памяти, который находится в Ортее, одном из миров Индара, - повторила Орис.

Она рассказала, что три дня назад в храме, ожил лик Великой Жрицы Мод, умершей много веков назад. И поведал находившимся там Старшим жрицам о том, что началась Новая Игра. Лик рассказал, что Игра будет вестись без правил, в стиле естественного отбора. Что первоосновы, являющиеся базовым алгоритмом матрицы миров, пошатнулись от вхождения в игру новых, непонятных сил. И что необходимо выставить своего Игрока. Были озвучены условия вхождения в Игру, вернее их отсутствие.

- Это как? - спросила Хиэра.

И Нэрис рассказала о том, о чём Хиэра не имела никакого представления.

Оказывается, когда начиналась новая игра, то всегда озвучивался ряд условий. Условия были соизмеримы отпущенному на игру времени. Учитывался уровень сознания играющих. Играть могли, как отдельные игроки, так и народы, и цивилизации. Главное, чтобы все играющие вписывались в математический алгоритм матрицы Игры и не произошло искажений.

- Как это вписывались? Чем? - спросила Ловчая.

- Вот смотри, - продолжила Нэрис, - если какие-то из сторон выставили игроков с определённой мерностью сознания, например умных, то ниша, как бы уже занята. Допустим, условно, выделено определённое количество мест, двадцать. Значит если игра идёт на два - например, Свет против Тьмы, то по десять с одной и с другой стороны.

- А если игра идёт на пять, а это зависит от играющих сил, согласно озвученным условиям, то соответственно все пять частей должны быть равномерны, - добавила Орис.

- Но всегда есть то, что путает всем карты.

- Что? - спросила Хиэра.

- Не все играющие силы, - продолжила Орис, - а играют всегда только силы, которые и выставляют игроков, относятся к противоположным началам.

Есть нейтральные силы, например - Время. Оно, ни хорошее, ни плохое; ни злое, ни доброе; ни светлое, ни тёмное. Оно - нейтральное. И вот для таких сил, всегда оговаривались ходы. А именно, сколько раз такие силы, по просьбе одного из игроков, могут вмешаться в игру. Соответственно, все игроки используют это правило. Но результат зависит от эффекта вмешательства. А что попросят игроки, и как это будет исполнено, предсказать очень сложно.

- Силы - это боги? - спросила Хиэра.

- Не совсем, - ответила Нэрис, - божественные сознания проводят в миры волю своих условных родителей - Стихий. Вот кто главные бенефициары. Речь не о тех стихиях, которые проявлены в материальных мирах, это всего лишь эффекты от их присутствий. Но об этом потом, это сложная тема.

- Сами не до конца понимаем, - вздохнула Орис.

- Ладно, и так голова кругом идёт от массы информации и впечатлений за эти сутки, - хмыкнула Хиэра.

- Ну вот, - воодушевилась Орис, - а в новой Игре, условий никаких нет. Так было озвучено. И каждый, играет как хочет, как может, в каких угодно количествах и пропорциях. Ставки повышены. Но самое главное, никто кроме богов, не знает за что идёт игра. Вот такая многослоечка.

- Интересно, - задумалась Хиэра. Иди туда не знаю куда, принеси то, не знаю, что...

- Ну что-то вроде этого. В общем нынешней Великой Жрицей храма Памяти, было принято решение сделать ставку на магию и оборотничество.

«Они же все оборотни», - Хиэра вспомнила, что собой представляли природные качества индари.

- Но такое, чтобы не бросалось в глаза, - тем временем продолжала Орис, - кто подумает на молодую девчонку, на вид которой лет двадцать.

- А на самом деле? - машинально спросила Хиэра.

- На самом деле больше, - серьёзно ответила Нэрис. Но это ничего не значит. Мы взрослеем медленнее. У нас время растянуто и течёт по другому.

Хиэра нутром чувствовала, что та многое не договаривает:

- А как у вас устроен храм?

- Да храм, как храм, - сказала Орис, - служат только женщины. Младшие жрицы со временем становятся Жрицами, если заслужат конечно. И есть совет Старших Жриц, возглавляемый Великой Жрицей Памяти. Но туда попадают единицы.

- А оборачиваетесь вы в кого?

- А это, согласно специализации, - ответила Орис, и замолчала.

Хиэра поняла, что девушки и так много рассказали. И придётся либо прощаться, либо отвечать тем же.

- Ну хорошо, а как вы здесь то оказались.

- Так Великая Мод сказала, что здесь в мире ллумов, Нэрис, выбранную Игроком, будет ждать девушка, и описала точь в точь тебя. И ей нужно во всём тебе помогать и охранять.

- Вот так вот просто? - вопросила Хиэра.

- А зачем усложнять? Как есть. Ну а я, не могла оставить сестру и отправилась следом.

- И вот что теперь с тобой делать? Вечно ты путаешься под ногами. Скажи лучше, что завидно стало, что не тебя выбрали, - зло воскликнула Нэрис. Жрицы выгонят тебя из храма. Это позор для нашей семьи.

- Не выгонят. Мы вернёмся с победой, а победителей не судят, - миролюбиво сказала Орис. Казалось гневные вопли Нэрис разбиваются о её безмятежное спокойствие.

- С какой победой? Мы даже не знаем за что играем и кого побеждать.

- Неважно, - беспечно махнула рукой Орис, - втроём уж точно кого-нибудь победим.

Лучница слушала перебранку сестёр и не весело размышляла. А поразмышлять было над чем. Ночной визит богов, разговор с Ланиром. И тут как-то случайно сваливаются на голову сёстры. В случайности Хиэра естественно не верила. Но надо было взвесить все за и против. И что явно бросалось в глаза, так это кажущаяся простота сестёр. Под масками по-семейному препиравшихся девушек, мог скрываться кто угодно. Они даже могли не быть сёстрами. Природная мимикрия давала эту возможность. Они могли быть как жрицами, так и убийцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.